

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ
КИТАЯ
И ВОШЕДШИЕ В НЕЕ
ЛЮДИ

Мы копошимся на краю прибоя
И ловим в пене на песке
Ракушки и монеты,
Коньков морских
с обломанным
хвостом.

Так копошится китаист
На берегу культуры,
Которую нельзя постичь,
А можно лишь дотронуться —
И вздрогнуть,
Чуя вечность,
Бесконечность

Краткая история Китая (строго обязательна для выезжающих)

Рекомендуется для заучивания лицам, выезжающим за границу по служебным, семейным или иным делам. Знание периодов китайской истории, имен императоров и точных дат царствования проверяется на границе представителями таможенных и пограничных властей с обеих сторон государственной границы (см. соотв. Статьи и Уложения Таможенного кодекса и Пограничных Правил РФ, раздел 3-1 «Требования к историческим знаниям выезжающих в КНР»). Нарушители подвергаются денежному штрафу.

Сначала был Желтый император. Династии

Не важно, когда началась история.
Важно, чтобы она не прекращалась.

Мудрец Сун

Принято считать, что история Китая берет начало с первопредка всех китайцев Желтого императора, *Хуан-ди / Huangdi*. В третий день третьего месяца по лунному календарю в уездном городе Синьчжэн в провинции Хэнань в центре Китая церемонией жертвоприношения отмечается день его рождения. По преданиям, он появился на свет около пяти тысяч лет назад. Хуан-ди фигура полумифическая, полуреальная. Историк Сыма Цянь (145–86 до н. э.) в своих «Исторических записках» утверждает, что Желтый император объединил племена на плодородной Великой равнине и желтых лессовых плато в бассейне

желтой же реки Хуанхэ, избрал тотемом дракона, от которого и пошли все китайцы. Впрочем, к императору мы вернемся чуть позже.

Вообще-то сотворение мира в представлении древних китайцев началось с мифического великана Пань-гу, который огромным топором разделил первородный хаос на чистую сферу (Небо) и мутную (Землю) и превратил части своего тела в солнце, луну и звезды — на небе, и горы, реки, леса и моря — на земле.

Потом появились прародители: сестрица Нюй-ва и братец Фу-си, добрые мифические первопредки, изображаемые с туловищем змеи. За шесть дней Нюй-ва вылепила из глины шесть домашних животных, а на седьмой день — человечков. Те же Семь дней... Потом ее брат научил людей строить дома и пахать землю, а кроме того, создал иероглифы и восемь триграмм, основу знаменитой «Книги перемен». Впрочем, пальму первенства в созидательной деятельности (изобретение плуга, гончарного искусства, создание лекарств) у него оспаривает появившийся позднее в китайской мифологии бог земледелия Шэнь-нун и затем уже еще один претендент — тот самый Желтый император.

Истоки материальной, подтвержденной реальными свидетельствами цивилизации отодвигаются китайскими археологами все дальше и дальше в глубь веков по мере новых открытий. Находки в местности *Дадивань / Dadiwan* в провинции *Ганьсу / Gansu*, где обнаружены поселения древнего человека, в частности, разрисованные сосуды для зерна и воды, говорят, что земледелие и гончарное производство существовали у Желтой реки 8 тысяч лет назад, одновременно с другой древней мировой цивилизацией, процветавшей на берегах Тигра и Евфрата.

К тому же времени относится культура *Пэйлиган / Peiligang* в среднем течении Хуанхэ. Позже, через три тысячи лет, там же, в районе нынешней провинции Хэнань, возникла культура *Яншао / Yangshao* — по названию местного селения. Уже на более высоком уровне люди умели, как показали археологические находки, пахать и сеять, делать посуду из глины, строить дома. Такая же развитая культура одновременно возникла и на другой великой реке Китая — Янцзы, в ее нижнем течении. Она получила название *Хэмуду / Hemudu*. Ее отличительная особенность — высокое искусство строительства жилья. Именно там древние китайцы придумали технику соединения деревянных конструкций по принципу паз-шип, которая позже широко использовалась во всем мире, возьмем хотя бы древнерусские храмы, построенные без единого гвоздя.

Еще одна, более северная колыбель китайской цивилизации, культура Красных гор — *Хуншань / Hongshan*. Ей более 5 тысяч лет. Она

существовала на обширной территории нынешних провинций Ляонин, Хэбэй, Цзилинь и Автономного района Внутренняя Монголия. Эта культура оставила после себя религиозные тотемы — дракона и феникса, каменные статуэтки: человеческие фигурки, нефритовые божки, драконы, музыкальные инструменты (флейты из кости). Особенно меня поражают оригинальностью «нефритовые свиньи-драконы», *юй-чжу-лун / yuzhulong*, напоминающие зародышей фантастических существ, хотя реалисты-историки считают, что ничего загадочного в них нет: свинья была самым распространенным домашним животным, основой благосостояния, и *юй-чжу-луны* сулили процветание. Но мне все-таки хочется верить, что это детеныши дракона, тотема первых китайцев. Помимо всего прочего, они забавные и трогательные: свернувшиеся в калачик, подобно младенцу в утробе матери, вызывают родительские чувства, много места не занимают, я даже собрал небольшую коллекцию — конечно, копий.

Вернемся, однако, к нашему Желтому императору, получившему имя по цвету родившей его земли. Он был не одинок во власти. По преданиям, за нее соперничали пять *ди* — императоров. То время так и называют: «Пять императоров» («У ди»). Время их властвования китайские историки относят к 3000–2070 гг. до н. э.

Главным стал Желтый. В борьбе «со всякой нечистью», как пишут историки-комментаторы, он объединил народы, обитавшие в районах среднего течения Желтой реки. Так образовался народ «хуа-ся», национальность хань. Хуан-ди научил кочевников пахать, сеять и собирать урожай, изобрел повозку, лодку, лук и стрелу, а также медицину. Заложил основы науки о любви, по-нашему — сексологии. Шестидесятилетний цикл для счета лет, который начинается, кстати, с 2637 г. до н. э., тоже его творение. Китайцы считают себя его потомками. Многие поколения, все китайцы идут от Желтого императора. Дети одной семьи. Чувство родства, осознание себя как части единого целого, во главе которого стоит великий предок, дает китайцам силу. Они — вместе, они — заодно, где бы ни находились, в Пекине или Москве, Нью-Йорке или Сиднее. Стоит обидеть одного китайца — на защиту встают все. Подключается община хуа-цяо — заморских китайцев, идет на помощь посольство, министерство иностранных дел. Ведь обидев одного, нанесли оскорбление всем потомкам Желтого императора.

На его могилу — *Хуан-лин / Huangling*, в одноименном городке провинции Шэньси, в день Поминовения усопших, 5 апреля приезжают отдать почести десятки тысяч людей. Этой традиции уже 2 тысячи лет. Церемония поклонения единому предку у храма с колоннами возле его легендарной могилы с каждым годом становится все торжественнее.

В начале нынешнего тысячелетия эту церемонию признало государство. Сюда приезжают китайцы со всего мира. Общий корень — здесь они его находят. Сознание общности дает силу.

История отмеряется династиями

История Китая делится на периоды, эпохи, названные в честь династий, которые правили страной или ее частями. С ними, надо сказать, существует изрядная путаница. Династии по времени, да и по месту, нередко «налезали» друг на друга, как лоскуты залатанного платья. Столь же часто на территории страны какое-то время сосуществовали разные династии — одна доживала свое, другая только появлялась, но уже благополучно присвоила имя предшественницы, вторгались чужеземцы и основывали свои, какая-то царила на юге, иная на севере... династии вклинивались друг в друга, перехлестывались, но при этом каждая, конечно, считала себя единственной и наиглавнейшей.

Династии были как собственно ханьские, то есть созданные представителями самой многочисленной нации, ханьцами, так и установленные менее крупными народами, или же вовсе чужеземцами. Иноземные — это, к примеру, государство Ляо (916–1125), которое основали кидани, кочевники с севера. Или монгольская Юань (1271–1368). Или маньчжурская Цин (1644–1911).

Каждый последующий властитель начинал с того, что повелевал собрать материалы и написать историю предыдущего государства. Эпохи начинаются с такой исторической глубины, что трудно даже представить.

Они возникли еще тогда, когда не было единого Китая, а в разных концах страны правили свои, местные князья, крупнейшие из которых вошли в историю. Принято считать, что периодизация китайской истории началась четыре тысячи лет назад, с эпохи Ся.

Ся (Xia) XXI–XVI вв. до н. э.

Шан-Инь (Shang Yin) XVI–XI вв. до н. э.

Западная Чжоу (Xi Zhou) 1122–771 до н. э.

Восточная Чжоу (Dong Zhou) 770–247 до н. э.

Удивительное дело — перепады развития. Почему вдруг исчезает одна культура, и на ее месте долгое время зияет пустота? В эпохи Шан-Инь и Чжоу существовала высочайшая материальная культура, ее называют бронзовой. Она оставила не примитивные сельскохозяйственные орудия и не оружие, но в основном ритуальные предметы, используемые при церемониях жертвоприношения: бронзовые сосуды для вина и зерна, колокола и барабаны, скульптуры, маски. Поражают мастерство обработки металла, тонкость узоров, выразительность художественного замысла, фантазия.

Мировой сенсацией стало сравнительно недавнее археологическое открытие бронзовых и золотых масок, скульптур, изображений животных, «денежных деревьев» с листьями-монетами в местности *Саньсин-дуй / Sanxingdui* (Холмы Трех звезд) в провинции Сычуань, недалеко от города Чэнду. Относящиеся примерно к XIII в. веку до н. э. загадочные, совершенно фантастического вида «маски» — с огромными ушами, прямыми длинными носами, большими миндалевидными глазами — производят ошеломляющее впечатление. На китайцев они совсем не похожи. Кто это — жрецы, пришельцы-инопланетяне? Качество литья и металла превосходит бронзовые изделия Шан-Инь. Обнаружение этой цивилизации ученые считают самым великим археологическим открытием XX века не только в Китае, но и во всем мире...

В эпоху Ся в Китае процветала еще одна культура — винокурения. Она быстро развивалась и достигла такого размаха, что историки — сторонники трезвости винят в падении следующей династии, Шан, именно пристрастие многих к «белому вину», *бай-цзю* — крепким алкогольным напиткам, получаемым в результате возгонки, дистилляции из браги на основе сорго (гаоляна), пшеницы и ячменя.

Китайская история делится также на периоды, получившие яркие названия. Например:

Период Вёсен и Осеней (770–476 до н. э.)

В восьмом веке до н. э., в эпоху Восточная Чжоу, начался исторический период Вёсен и Осеней, *Чуньцю / Chunqiu*, когда, как традиционно пишут китайские историки, «князья и феодалы вели ожесточенную борьбу за верховную власть». Это не помешало, впрочем, рождению в княжестве Лу (ныне провинция Шаньдун) самого знаменитого мудреца и философа — Конфуция, *Кун Цю / Kong Qiu*, *Кун-цзы / Kongzi*, (551–479 до н. э.), определившего на много веков вперед морально-этические устои и правила жизни общества, государства и человека. Завершающая книга «Пятикнижия», «*У цзин*» / «*Wu jing*» — собрания канонизированных Конфуцием и его последователями текстов, так и называется — «Вёсны и Осени» («Чуньцю»).

То пусто, то густо. Так часто случается и в жизни, и в истории. Эпоха Вёсен и Осеней стала урожайной на таланты. Примерно в одно время с Конфуцием творил не менее выдающийся мыслитель, основатель даосизма *Лао-цзы / Laozi*. Он жил в южном царстве Чу, которое противостояло княжеству Лу и считалось варварским. Долгое время служил историографом государства Чжоу. Последователи даосизма могут поправить: это Конфуцию посчастливилось жить в одно время с Лао-цзы, мол, Кун-цзы даже учился у основателя даосизма, в юном возрасте приехал однажды к нему за наставлениями. В отличие от Конфуция,

установившего строгие правила поведения в обществе, Лао-цзы утверждал главенство естественности, говорил о важности следования непознаваемому «пути» всех вещей — *дао*, в политике превыше всего ставил недеяние как проявление высшей мудрости. Его философия построена на противопоставлении основных начал в материальном и духовном мирах: мягкое побеждает твердое, слабое одолевает сильное (вода точит камень, ростки травы пробивают землю), в счастье таится несчастье, и наоборот...

Да, так получилось, что на одном крошечном по историческим меркам отрезке времени сошлись два великих мыслителя, взаимодействие и борьба их идей дали жизнь многим открытиям в науке о человеке и обществе в Китае.

Эта эпоха знаменита не только мудрецами. Перед ее завершением в историю навсегда вошла *Си Ши / Xi Shi* — первая из четырех прославленных красавиц Китая. Она жила в царстве Юэ (ныне провинция Чжэцзян) и была так очаровательна, что однажды рыбка, плававшая в пруду и увидевшая Си Ши, утонула, ошеломленная ее прелестью.

Вслед за Вёснами и Осенями наступил другой знаменитый период — Воюющих царств.

Период Воюющих (Борющихся) царств (475–221 до н. э.)

Больше всего фильмов, где сражаются древние воины, больше всего романов про полководцев, больше всего легенд о рыцарстве связано с этим временем, *Чжаньго / Zhangguo*. Многие сюжеты китайской оперы начинаются словами: «В период Воюющих царств княжество (тут называется какое-то княжество, допустим, Цинь) процветает, а княжество (к примеру, Чжао) находится в упадке...» Затем следует история про отважных полководцев и коварных царедворцев, безрассудных героев и прелестных наложниц, про славные победы и жестокие поражения, верность и измены.

Семь царств — отмечу, что тогда в Китае были царства (княжества) и цари (князья-гуны), а не императоры, — сосуществовали и на протяжении двух с лишним столетий вели войны за главенство. Вообще не только в Китае, в мире было неспокойно. Тогда же, в четвертом веке до н. э., Александр Македонский покорил Египет. Впрочем, внутренние войны, характеризующие период Борющихся царств, не прекращались и потом, на протяжении всей истории Китая, за исключением достаточно редких спокойных периодов, например, эпохи Тан.

Время Борющихся царств дало Китаю первого великого поэта. *Цюй Юань / Qu Yuan* (ок. 340 — ок. 278 до н. э.) был младшим наследником знатного рода, его прадед и дед служили правителями областей, но за-

тем семья обеднела, богатство растворилось. Впрочем, полученное семейное образование и принадлежность к знати, ум и талант сделали свое дело, Цюй Юаня привечали власть предержащие, он служил министром при дворе властителя царства Чу (ныне провинция Хубэй), составлял указы и законы... Но — был оклеветан завистниками, отправлен в ссылку, где покончил с собой, бросившись в реку в пятый день пятого лунного месяца. С тех пор в Китае в начале лета отмечается праздник «двойной пятерки», когда в честь поэта состязаются на лодках-драконах и едят рисовые пирамидки — *цзун-цзы*.

Первая империя. Эпоха Цинь (Qin) 221–207 до н. э.

В многочисленных сражениях всех врагов уничтожил или подчинил себе князь *Ин-чжэн / Yingzheng*, которого весь мир знает как Цинь Ши-хуана. Так появилась первая китайская империя. Великая и могучая. Столицей стал город Сяньян в центре страны.

Впрочем, само по себе имперское устройство не гарантирует качественного правления. Уже второй император династии, *Цинь Эр-ши / Qin Ershi* вошел в историю как скудоумный и недальновидный правитель, этаким царственный дурачок. Как пишут в книгах, он «целиком отдал бразды правления империей коварному царедворцу Чжао Гао, власть которого была темна и несправедлива».

Сам же первый император, *Цинь Ши-хуан / Qin Shi Huang*, остался в народной памяти как: а) жестокий правитель, уничтожавший конфуцианцев и сжигавший конфуцианские труды, а также начавший возведение Великой стены — на костях бесчисленных строителей, б) выдающийся государственный деятель, объединитель страны и основатель огромной империи.

Почему Цинь Ши-хуан уничтожал конфуцианцев? Они были оппозицией — считали его правление, с полным на то основанием, угнетающим, безнравственным и негуманным. Впрочем, есть и другая точка зрения: император расправился со старыми книжниками потому, что те мешали его планам унификации письменности.

Вслед за Цинь последовала вторая империя — Хань (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.), славная и знаменательная. Она включила два периода:

Западная Хань (Xi Han) 206 до н. э. — 9 н. э.

Восточная Хань (Dong Han) 25–220

Двести лет Западной называют «золотым временем». Не случайно основная нация в Китае называется хань. Основал ее после четырехлетней смуты, вызванной крестьянскими восстаниями, *Лю Бан / Liu Bang*, ставший императором *Гао-цзу / Gaozu*. Все императоры, вступая на трон, получали новое имя, которым только и разрешалось их называть. Гао-цзу продвигал способных людей, снизил налоги, поощрял

земледелие, ремесла и науки. В столице *Чанъань / Chang'an* (ныне Сиань) процветала торговля. Ханьские бронзовые сосуды и фарфор составляют теперь мечту коллекционеров.

Расцвета Хань достигла при шестом императоре — *У-ди / Wudi*, который правил более 50 лет, (140–87 до н. э.). Умелый полководец, он возглавил несколько походов против северных кочевников — сюнну (хунну), которые считали ханьцев своими вассалами, одержал в конце концов победу и открыл Китаю дверь на запад. При нем проложили Шелковый путь, по которому товары и купцы доходили до Средиземноморья, следовали послы для установления дипломатических отношений с дальними странами.

У-ди заложил основы императорских экзаменов для подбора кандидатов в чиновники, формирования властной элиты. По его приказу местные власти отбирали на местах молодых людей, которые отправлялись в столицу и сдавали экзамены на знание трудов Конфуция. Тогда же конфуцианство стало оформляться как основа государственной идеологии.

Между двумя ханьскими вклинилась маленькая, почти незаметная «эпоха» Синь. Ее даже эпохой назвать нельзя: так недолго длилась.

Синь (Xin) 9–25

Обычно все её пропускают, и Западная Хань плавно переходит в Восточную. Почему я упоминаю? Хочу, чтобы вы знали больше других. Приятно ведь этак в кругу друзей и подруг небрежно бросить ни к селу ни к городу: «Да, кстати, как показывают новейшие исследования, между эпохами Западная и Восточная Хань целых 16 лет существовало государство Синь». Надеюсь, реакция окружающих будет вполне адекватной.

Но в самом деле — что произошло?

Всё имеющее начало когда-либо заканчивается. Западная Хань не стала исключением. Императоры измельчали, дела пускали на самотек, местные князья хотели отделиться и править самостоятельно, войны вели к смутам и крестьянским восстаниям. К власти пришел *Ван Ман / Wang Mang*, племянник императрицы, основавший столь недолговечное царство. Он хотел устроить жизнь по-другому, поэтому назвал государство — Синь, Новое. Пытался провести земельную реформу, раздать земли крестьянам, но неудачно — отступил под давление знати. Воевал с кочевниками, истощил казну, обложил налогами крестьян и ремесленников, что вызвало недовольство, а когда вдобавок ко всему на Шаньдунском полуострове из-за разлива Хуанхэ произошло сильнейшее наводнение, народ в отчаянии восстал; образовались две армии — «Молодцы зеленого леса» и «Краснобровые» (окрашивали брови в качестве

опознавательного знака), разгромившие правительственные войска. Они захватили столицу Чанъань и обезглавили неудачливого реформатора Ван Мана.

На политическую арену вышел один из отпрысков императорского рода по имени Лю Сю / *Liu Xiu* и объявил себя новым Сыном неба. Он проявил себя толковым правителем: освободил рабов, отменил непомерные налоги, позволил заниматься ремеслами, восстановил династию Хань, которая была названа Восточной (новый государь перенес столицу восточнее, в город Лоян / *Luoyang* на Хуанхэ) и, несмотря на постоянные войны с сунну, бестолковых правителей и прочие неурядицы, все-таки просуществовала без малого двести лет, до эпохи Трех царств:

Троецарствие (San Guo) 220–280

Это время описано в знаменитом романе, который так и называется — «Троецарствие». Его автор, Ло Гуань-чжун / *Luo Guanzhong*, живший в XIV в., рассказывал о событиях далеких времен, основываясь на исторических хрониках. Герои книги известны в Китае даже детям. Собственно, дети в основном ее и читают. Еще роман обожают киношники. Почему? Потому что там есть геройские герои и злодейские злодеи. Потому что на каждой странице — битвы и сражения (попробуйте отличить одно от другого). Можно вволю восхищаться героями, благородными полководцами, которые объединяли страну, под своим, конечно, руководством.

На обломках рухнувшей Хань шла борьба за власть под девизом восстановления династии. Увы, время от времени страна расплзалась на части и ее приходилось насильственно объединять. Героям противостояли коварные враги, разъединители. Впрочем, победы тогда «разъединители» — они сейчас, должно быть, назывались бы благородными объединителями...

Царств было три:

Вэй (*Wei*) 220–265

Шу (*Shu*) 221–263

У (*Wu*) 222–280

Времена настали суровые и жестокие, Китай страдал от наводнений и неурожаев, набегов саранчи, бесконечных свар князей и князьков. Предшествующая династия Восточная Хань в силу бездарности «первых лиц» и казнокрадства довела народ до крайней бедности. Крестьянские бунты следовали один за другим, наибольшим масштабом отличилось восстание Желтых повязок.

Самым прославленным героем Троецарствия стал полководец Чжугэ Лян / *Zhuge Liang* (181–234). Уроженец приморской провинции

Шаньдун, он рано осиротел, его с братьями и сестрами пригрел дядя, правитель области на юге; там юноша получил хорошее домашнее образование, после смерти дяди жил в окрестностях городка *Сяньфань / Xiangfan* (теперь — *Сяньян / Xiangyang* в провинции Хубэй) на реке *Ханьцзян / Hanjiang*, притоке матушки Янцзы. Обосновался в тихом месте, десять лет провел в уединении в скромной хижине, днем занимался земледелием, ночью науками, преуспел в изучении тактики и стратегии, да так, что молва о юном таланте все ширилась и достигла ушей человека по имени *Лю Бэй / Liu Bei*.

Это еще один легендарный герой, как принято сейчас говорить, знаковая фигура того времени. Лю Бэй (161–223) принадлежал к знатному, но обедневшему роду, обладая воинским талантом и решительностью, задумал взять власть и вел войны за объединение страны, восстановление династии под своим, естественно, началом. Но, как всегда бывает, руководителю не хватало опытных кадров. Не самому же все делать. Остро ощущался недостаток военных талантов. И тут — весть о Чжугэ Ляне, который получил прозвище Затаившийся дракон. Лю Бэю пришлось трижды приезжать к нему в хижину, пока тот не согласился встать под его знамена.

— На одном пекинском рынке, где торгуют фарфором, — сказал Сеня, старательно выводя кистью иероглифы на столике книжного магазина на пекинской «улице книжников» *Люличан / Liulichang*, куда они заглянули с Мудрецом Суном и угодили на бесплатный урок каллиграфии, — я увидел такую картину из фарфора: зима, крытый соломой дом, перед ним три всадника на конях, падает снег. Грозным видом выделяется всадник в военной одежде, с мечом в ножнах. Кони гривой трясут. В дверях служка, толстый такой, я еще сначала подумал, что это жена хозяина дома. Внутри дома, на втором этаже, виден в окне человек. Сидит на циновке, что-то читает. А сзади дома речка замерзшая, мост, по нему вол тащит телегу. Красота неописанная. Большая картина! Фарфоровая пластина размером метра полтора на метр, в раме красного дерева. Понравилась мне жутко. Я спрашиваю хозяйку, про что картина, что за сюжет? Она говорит, то-то и то-то. Я по-китайски-то не очень, напиши, говорю. И уже дома с помощью друзей разобрал. Картина называется: «Сань-гу мао-лу», что-то вроде: «Три визита в соломенную хижину». Столько раз этот Лю Бэй приезжал к Чжугэ Ляну, просил оставить отшельничество и стать его советником. И только на третий раз уговорил.

— Сеня, тебе пора давать уроки истории, — сказал Мудрец Сун, с сочувствием наблюдая за каляканием-маляканием приятеля; пористая бумага неохотно впитывала корявые Сенины иероглифы.

— А то! — ответил Сеня и застыл с кистью в руке, любуясь своим творением.

С помощью мудрого стратега Лю Бэй одолел врагов, покорил соседей и основал царство Шу. Он стал князем. А первым министром назначил мудрого Чжугэ Ляна.

Если есть герои, то должны быть и равные им по силе злодеи. Таким злодеем выступал *Цао Цао / Cao Cao*, основатель царства Вэй. Его коварство стало в Китае нарицательным. Историки, однако, утверждают: это был разумный правитель, смелый военачальник. Но сказки сильнее. В Китае говорят о человеке, который появился неожиданно и которого не особенно-то и ждут: «Стоит сказать Цао Цао — он тут как тут!» («И шо Цао Цао, Цао Цао цзю дао!» — так она звучит по-русски). Эту поговорку очень любят начинающие учить китайский язык, потому что ее легко запомнить и произносить. По этой же причине люблю ее и я.

Но в поговорку вошли и добрые герои Троецарствия. В первую очередь Чжугэ Лян — за полководческий гений, мудрость и хладнокровное мужество. Ему посвящены романы, песни, драматические сюжеты. Одна из пьес пекинской оперы называется «Хитрость с пустым городом». В ней рассказывается, как Чжугэ Лян защитил город Сичэн от неожиданного нападения армии под водительством грозного *Сыма И / Sima Yi*.

У Чжугэ Ляна не оказалось под рукой войск, чтобы отстоять город. И что он тогда сделал? Открыл настежь городские ворота, поднялся на крепостную стену, на высокую сторожевую башню, и стал играть на цине, это такой музыкальный инструмент, наподобие цитры. Представьте себе выпуклую неширокую доску длиной примерно в метр, вдоль которой натянуты 7 струн. Доска, конечно, не простая, это полый резервуар, подобный корпусу скрипки, составленный из кусков твердого дерева ценных пород. Своей формой, утверждают китайцы, цинь должен напоминать птицу феникс. Вы ее, конечно, представляете. Инструмент удивительный, заслуживающий отдельного разговора, но если говорить коротко, то для меня звуки циня в китайском парке — это и есть Китай...

Итак, перебирая шелковые струны, хотя «перебирая» здесь неверное слово, потому что существует 120 способов притронуться к струнам циня и извлечь из них звуки (зацепить ногтем, ущипнуть, потереть, прижать подушечкой пальца, придавить, ударить, скользнуть по...), Чжугэ Лян пел:

Я со стены взираю на округу
И слышу: нарастает шум вдали.
Знамена заслоняют там друг друга

Совет весьма уместный: издревле в Китае было принято высоких чиновников перебрасывать с место на место, чтобы не засиживались, не обрастали неподобающими связями. Этакое противоядие против коррупции. Им нередко приходилось браться за меч, участвуя в войнах на окраинах государства. «Отправлен на заставу...» — частый мотив в стихах. Недаром в китайской поэзии так сильна тема разлуки. Почти все поэты были одновременно и чиновниками. Или чиновники — поэтами.

Лю Бэй и Чжугэ Лян заслужили такое почтение в народе, что в честь них в городе Чэнду, столице провинции Сычуань, воздвигли храм. Он стоит в большом парке с беседками и пагодами, лotosовыми прудами, ручьями и тенистыми запрудами, в которых плещутся разноцветные карпы.

Прячущийся в саду храм — единственный в Китае, где почитают в качестве святого не только повелителя, как было принято, но и его приближенного. В честь него он и назван: Храм Воинственного князя, *У-хоу цы / Wuhou ci*. Сюда приходят отдать почести также потомкам двух славных героев, в залах установлены портреты и таблички с именами их сыновей и внуков. Многие из них, как особо отмечается, с честью пали в воинских сражениях с врагами.

Эпоха Троецарствия закончилась объединением трех царств, Вэй, Шу и У, из которых формально дольше всех (еще целых пятнадцать лет после провозглашения империи Цзинь) просуществовало царство У.

Западная Цзинь (Xi Jin) 265–317

Восточная Цзинь (Dong Jin) 317–420

Восточную Цзинь прославил ведущий отшельническую жизнь литератор *Тао Юаньмин / Tao Yuanming*, самым известным произведением которого стала новелла «Персиковый источник». В ней рассказывается, как рыбак, мечтая о богатом улове, доплыл до гор у места с названием Персиковый источник. Там увидел вход в пещеру, пробрался в нее и вышел с другой стороны горы. И... попал в удивительный мир. Где жили потомки людей, еще в эпоху Цинь бежавших от бед и несправедливой власти.

В этом изолированном, «затерянном» мире не существовало разделения на господ и рабов, бедных и богатых, царили равноправие, мир и благоденствие. Словом, утопия, обрисованная задолго до Томмазо Кампанеллы. Рыбак вернулся в свой поселок, потом пытался снова отыскать этот мир покоя и счастья, но не нашел дороги. Сказка-утопия Тао Юаньмина так понравилась китайцам, что вошла в фольклор. А Восточную Цзинь упоминают как время, когда был создан «Персиковый источник».

Следом наступил исторически не столь примечательный, хотя и длительный, период Южных и Северных династий (*Nan Bei chao*): 420–589.

Южные династии (*Nan chao*)

Сун (*Song*) 420–479

Ци (*Qi*) 479–502

Лян (*Liang*) 502–557

Чэнь (*Chen*) 557–589

Северные династии (*Bei chao*)

Северная Вэй (*Bei Wei*) 386–534

Восточная Вэй (*Dong Wei*) 534–550

Западная Вэй (*Xi Wei*) 535–556

Северная Ци (*Bei Qi*) 550–577

Северная Чжоу (*Bei Zhou*) 557–581

Как видите, никакого порядка. Династии не придерживаются очередности и сменности, вперехлест залезают друг на друга как по территории, так и по времени, словом, никакого строгого, приятного историческому взору порядка не наблюдается.

Суй (*Sui*) 581–618

Суйская отметилась введением строго регламентированной системы императорских экзаменов. Сдавшие их счастливчики становились элитой: высшими чиновниками, губернаторами, правителями уездов, государственными инспекторами.

Тан (*Tang*) 618–690

Чжоу (*Zhou*) 690–705

Продолжение Тан 705–907

Наибольшего расцвета Китай достиг в эпоху Тан. Ее прославили поэты Ли Бо / *Li Bai* (701–762), (в старом чтении иероглиф его имени произносился как Бо), и Ду Фу / *Du Fu* (712–770). Ли Бо поэт стихийный, буйный, а Ду Фу, напротив, строгий, «упорядоченный», но оба вошли в историю культуры. Страна торговала с десятками государств. В миллионную столицу Чанъань (ныне — Сиань) приезжали дипломаты, купцы из арабских стран, Византии, Индии, Японии; молодые иностранцы осваивали китайский язык, изучали традиции и ремесла, поэзию, архитектуру, живопись. Многие из того, чем впоследствии славилась японская культура, было взято из Китая как раз в тот период, отмеченный открытостью, стабильностью и расцветом. Недаром китайцы иногда называют себя: «тан-жэнь», «танские люди».

Танская эпоха дала единственную в истории страны женщину-императора У-хоу / *Wuhou*, она же — У Цзэ-тянь / *Wu Zetian* (624–705). Почему не написал — императрицу? Императрицы — жены владык,

хуан-хоу / *huanghou* (так их величали с эпохи Цинь), или же вдовствующие императрицы, тай-хоу / *taihou*, были всегда. Но вот отбросить прикрытие (жена при царствующей особе или регентша при малолетнем сыне-императоре) и не править «из-за занавески», как делала спустя 12 веков Цы-си, провозгласить себя хуан-ди / *huangdi* — императором, основать собственную династию, Чжоу (690–705), — на это осмелилась только она. У-хоу всячески старалась поднять роль женщин, в том числе при дворе. Покровительствовала буддизму и даосизму, отдавала земли монастырям, наладила налоговую систему, писала трактаты по управлению чиновничеством, усовершенствовала экзаменационную систему.

Полноликая У Цзэ-тянь пользуется неоднозначной репутацией. Одни ею восхищаются, другие презирают. Для сохранения власти она шла на всё и в этом не отличалась от императоров-мужчин. Возможно, даже превосходила их жестокостью, безжалостно расправлялась с конкурентами. Приказала умертвить свою новорожденную дочь, чтобы обвинить в ее смерти соперницу, претендующую на трон. Как Цы-си впоследствии, У Цзэ-тянь имела многочисленных любовников.

Впрочем, ее защитники утверждают, что первую императрицу очернили историки по заказу владык мужского пола, ревнующих к славе У Цзэ-тянь. Ведь она ни в чем им не уступала. Мало того, что разумно правила, но еще и всем своим поведением, образом жизни не отличалась от сильной половины, а то и превосходила ее. Предпочитала мужскую одежду, которая была удобнее. Слыла превосходной наездницей, отлично стреляла из лука. Ее примеру следовали все придворные дамы, женщины и девушки из знатных семей. А что до любовников...

Правители во все времена не обделяли себя плотскими утехами. Пришедший к власти вскоре после женщины-императора Сын Неба Сюань-цзун / *Xuanzong* (685–762) и вовсе поставил рекорд, не побитый никем после него: в дворцовом гареме насчитывалось 40 тысяч наложниц! Но и этого ему казалось мало (!!!), он искал все новых красавиц, в конце концов одна из них стала если не прямой, то косвенной причиной событий, приведших к многолетней войне, подломившей могучее, казавшееся несокрушимым древо Танской династии. Речь идет еще об одной знаменитой прелестнице Китая — Ян-гуйфэй / *Yang guifei*, известной также как Ян Нефритовое кольцо, Ян Юй-хуань / *Yang Yuhuan*.

Гуйфэй означает «драгоценная наложница», в табели о женских рангах она идет сразу после императрицы. Сюань-цзун так увлекся ее красотой, что забывал о делах правления, потакал всем прихотям, например, с юга, сменяя на длинном пути несколько раз коней, к столу

ей доставляли свежие плоды личжи (личи), которые она любила. Есть даже сорт личжи, получивший в честь нее название «Улыбка наложницы» (feizi xiao). Родственники, пришедшие благодаря ей к власти, этой властью всячески злоупотребляли, и прежде всего брат Ян Го-чжун, ставший первым министром. В окружении императора, в войсках, в рядах которых в приграничных районах служило много наемников из кочевых племен, например, киданей, зрело недовольство, вылившееся в мятеж под водительством генерала Ань Лу-шаня, тюрка по происхождению; он захватил столицу Чанъань, император бежал на юг. По дороге в Сычуань голодная и обозленная гвардия взбунтовалась, убила Ян Го-чжуна и потребовала смерти Ян-гуйфэй, считая семейство Ян источником всех бед. Перепуганный до смерти император велел наложнице покончить с собой. Она повесилась на белом шарфе на грушевом дереве у буддийского храма. По другой версии, ее задушили приближенные, император впал в отчаяние, узнав о смерти возлюбленной...

В течение нескольких лет шли бои между императорскими войсками и силами мятежников, страна была разорена и залита кровью, война унесла жизни около 30 миллионов человек!.. Танская династия получила смертельный удар, от которого так и не оправилась. Ян-гуйфэй вошла в число красавиц, из-за которых, как говорится, рушатся царства, ее образ предстает в весьма романтическом виде — благодаря поэме «Вечная печаль» поэта *Бо Цзюй-и / Bo Ju yi*, любовным повестям и романам; туристы сегодня восхищаются ее мраморным изваянием у горячих источников *Хуацин / Huaqing* в зеленых горах недалеко от Сиани, там она любила нежиться в компании императора. Утверждают, что Сюань-цзун велел соорудить новые купальни лишь для того, чтобы вволю любоваться своей красавицей.

— Да ну, чего уж там особого, в этих источниках! — сказал Сеня. — Был я там. Ничего такого роскошного, купальня как купальня, бассейн в камне вырублен, все простенько. Горы — да, красивые, храмы там всякие, а так... Вот с этими банями не сравнить! — Сеня обвел рукой пространство. Вместе с Мудрецом Суном они грелись в просторном голубом бассейне, обрамленном мраморными колоннами, сверху из-под белоснежного купола заливали все вокруг теплым светом золоченые люстры, время от времени от бортика били бурунчики воды и омывали размякшие тела наших друзей и еще десятка других любителей водных процедур. Сеня и Мудрец полюбили приезжать сюда, в «Горячие источники номер 9», огромный комплекс для отдыха «у воды» в пяти минутах езды к востоку от третьего кольца; в столице и других городах в последние годы это стало модным развлечением, подобных заведений открылось немало. Сначала можно перекусить

в общем зале, предварительно совершив омовение в душе и накинув махровый купальный халат или же надев пижаму, потом попариться-понежиться или же наоборот — сначала отправиться в один из бассейнов, в том числе под открытым небом, а затем в ресторан или в полутемный кинотеатр — полежать-подремать в удобном кресле с индивидуальным экранчиком, или за дополнительную плату сделать массаж или другие оздоровительно-омолаживающие процедуры, или поиграть в бильярд или в мацзян в оборудованном для этой игры кабинете. Сюда приходят компаниями коллеги по работе, парочки — влюбленные или не очень, молодые или не очень, а ночами или ближе к утру здесь безвольно отмокают уставшие от застольных переговоров бизнесмены.

После Танской династии наступил период, который историки обозначают как время Пяти северных династий и Десяти южных царств. Скажу вам прямо и откровенно, как историк историку, эти десять южных царств существовали так недолго или были так малы, что зачастую не удостоиваются даже упоминания. Возможно, если уважаемые читатели засыпят меня письмами с просьбой добавить в следующее издание неупомянутые южные царства, я так и сделаю. Потом.

Пока, для соблюдения приличий, а это в Китае очень важно, обозначу *Пять северных династий*, которые все вместе уместились в пяти десятилетиях с хвостиком:

Пять северных династий
Лян (Liang) 907–923
Тан (Tang) 923–936
Цзинь (Jin) 936–947
Хань (Han) 947–950
Чжоу (Zhou) 951–960

Они не оставили приметного следа в истории. Может, припозднились слегка, потому как повторяли предшествующие. Их даже так и называли: Поздняя Лян, Поздняя Тан, Поздняя Цзинь, Поздняя Хань и Поздняя Чжоу.

Зато последующая эпоха, Сун, подобно эпохе Тан, подарила Китаю и миру прекрасные образцы искусства, в особенности поэзии. В это время развились устойчивые стихотворные жанры *ши* и *цы*.

Сун (Song) 960–1279

При Сунах творила самая яркая поэтесса Китая *Ли Цин-чжао / Li Qingzhao* (1084–1151). Она выросла в богатой семье с давними литературными традициями, вышла замуж за знаменитого художника — резчика печатей (это особое искусство в Китае). К сожалению, счастье длилось недолго, муж заболел и умер, семья обеднела в ходе бушевавших тогда междоусобных войн. Ли Цин-чжао в стихах в жанре *цы*

(на размер определенной мелодии) передала сокровенные чувства, которыми наполнилась ее жизнь. Это были грустные чувства, и выражала она их с такой силой и проникновенностью, что стихи стали классикой, то есть живы до сих пор.

Северная Сун (Bei Song) 960–1127

Сунская эпоха была временем постоянных вторжений извне. Великая стена, увы, не могла уберечь мирных земледельцев и ремесленников от нападений воинственных народов севера, кочевников по образу жизни, захватчиков по призванию. Терять тем было нечего, процветающий Китай всегда был желанной целью. Они вторгались конными армиями, захватывали части страны и основывали свои государства.

Государство Ляо (Liao) 916–1125

Свою династию — Ляо — на северо-востоке Поднебесной провозгласили кочевники кидани. Они наступали на Сунов и шли все дальше, на юг. Победоносными сражениями с ними прославился Юэ Фэй / *Yue Fei* — национальный герой Китая. Но храброго Юэ Фэя было мало для победы. Для борьбы с «варварами» киданями императорский двор призвал на помощь других «варваров» — чжурчжэней, племена которых обитали в районе реки Сунгари, по-китайски Сунхуацзян, самого крупного притока Амура. Эти предки маньчжуров, оказав военную помощь Сунам в разгроме киданей, решили, что могут сами властвовать в Китае, и создали свою династию, которую называли Золотой — Цзинь.

Государство Цзинь (Jin) 1115–1234

Южная Сун (Nan Song) 1127–1279

Эпоха Цзинь разорвала Сунскую династию на Южную и Северную. Чжурчжэни захватили столицу *Кайфэн / Kaifeng* и пленили императора. Но его младший брат бежал на юг, провозгласил себя императором *Гао-цзуном / Gaozong*, а город Ханчжоу — столицей династии Южная Сун. Ему и его двору так понравились и Западное озеро (Сиху), и окружающие горы, и тихие реки, и местные красавицы, что Гао-цзун все откладывал и откладывал планы мстительного похода на север... и остался в конце концов на юге. Его можно понять, ощутив очарование тех мест: могу письменно свидетельствовать, что девушки в Ханчжоу и окрестностях, то есть в провинции Чжэцзян, действительно прелестные, я бы сказал, утонченные.

Но не только кидани и чжурчжэни претендовали на китайские земли. Племена тангутов захватили территорию на северо-западе, там, где лежал Шелковый путь, и основали династию Западная Ся.

Династия Западная Ся (Xi Xia) 1032–1227

Чжурчжэни тем временем пытались закрепиться в центральной части страны. В 1153 году центром власти Цзиньской династии стал

город Чжунду / *Zhongdu*, Срединная столица — будущий Пекин. Однако крестьянские восстания и вторжение монгольских войск ослабили государство киданей, оно пало под ударами монголов с севера и Сунов с юга. Мир между победителями длился недолго. Монголы не стали довольствоваться малым, решили покорить весь Китай, и Хубилай-хан, внук Чингис-хана, основал монгольскую династию Юань.

Юань (Yuan) 1271–1368

Монгольская экспансия в XIII в. не только докатилась до стран Европы, но и охватила огромные пространства Китая. Теперь уже внуки Чингис-хана шли с боями через всю страну с севера на юг. Китайцы сопротивлялись нашествию и проявляли героизм в защите родных мест. Примером служит городок Рыбачий, Дяюйчэн (он же — Аньлин), стоящий на утесах над Янцзы недалеко от Чунцина. Этот город в течение 36 лет (!) оказывал сопротивление монгольским войскам. В 1259 году в битве под его стенами погиб великий хан Мэнгу (Мункэ, Монгкэ), внук и наследник Чингис-хана. Войска под его командованием почти три десятка лет пытались взять город. Существует легенда, по которой он погиб не от ран, а от приступа ярости, когда правитель осажденного города прислал ему живую рыбу в знак того, что у защитников в достатке еды и воды. Китайские историки считают, что гибель Мэнгу-хана остановила дальнейшее продвижение монгольских войск в Европе, потому что при вести о его смерти все монгольские князья, внуки Чингис-хана, в том числе младший брат Мункэ — Хубилай, поспешили вернуться на родину для борьбы за трон. А город Дяюйчэн еще 10 лет отражал атаки монголов, прежде чем пал; вскоре после этого в Китае воцарилась династия Юань.

А за ней следовала Минская:

Мин (Ming) 1368–1644

Ее основал Чжу Юань-чжан / *Zhu Yuanzhang*, бывший буддийский монах, член секты Белого лотоса, один из вожаков крестьянского восстания Красных повязок, взявший себе императорское имя Хун-у. Столицу он переместил на юг, в Нанкин. Минская эпоха стала последней, когда правили этнические китайцы, ханьцы. Она ознаменовалась доведением до совершенства административной, политической, экономической систем — и закрытостью от внешнего мира. Не сразу. Первые ее императоры, напротив, направляли корабли в дальние страны. Тогда совершал свои знаменитые морские походы Чжэн Хэ (1371–1435). В столице построили Запретный императорский город. Минская эпоха дала три великих романа, ставшие классикой: «Речные заводы», «Путешествие на Запад» и «Цзинь пин мэй» («Цзинь, Пин, Мэй»).

Тогда же неоценимый вклад в философскую науку был сделан выдающимся мыслителем, которого звали *Ван Ян-мин / Wang Yangming* (1472–1529). Неоконфуцианец, талантливый администратор, на которого однажды ночью в горах, когда он находился на южных окраинах империи, усмиряя бунтующие народы, снизошло озарение, просветление... который одновременно осознал, что все принципы, нравственные основы содержатся в сердце человека изначально, который утверждал, что каждый, независимо от происхождения, должен сам развивать чувство добра внутри него самого, что благодать не даруется, она выражается самой личностью — активным участием в жизни, а не пассивной медитацией и созерцанием, и знания и мудрость для этого и даны... Труды Ван Ян-мина, как отмечает исследователь его творчества А. Кобзев, получают новое, все более полное отражение в новейшей китайской философии, становятся частью современных концепций, рассматривающих личность и ее социальные связи.

Последний минский император, правивший под девизом Чун-чжэнь, славился маниакальной подозрительностью и жестокостью. Он казнил мучительной казнью «тысячи кусочков» полководца Юань Чун-хуаня, который успешно бил захватчиков-маньчжуров, без всяких оснований обвинив его в предательстве. Император закончил плохо: когда восставшие крестьяне подступили к столице, повесился на сосне в парке Угольная гора, Цзиншань, что севернее Запретного города.

Цин (Qing) 1644–1911

Идущие с севера маньчжурские войска прошли Великую стену через заставу Шаньхайгуань, которую открыл перешедший на их сторону командующий китайской армией У Сань-гуй; тем временем восставшие крестьяне под водительством Ли Цзы-чэна смели заставы на той же стене, но уже к северо-западу от Пекина, и захватили город. Но ненадолго, вскоре их разгромили и выдавили оттуда маньчжуры. Еще в 1616 году князь кочевников Айсингиоро Нурхаци провозгласил свою династию в Маньчжурии с названием Цин — Чистая; теперь же, в 1644 году, Пекин был назван новой столицей. Поэтому дата основания китайской империи Цин — 1644 год.

Эта эпоха стала свидетельницей и подъема, и упадка Китая. Подъем начался в правление просвещенного монарха Кан-си, который находился на троне 61 год (1662–1722), номинально — дольше всех в истории китайского императорства. Номинально потому, что был провозглашен владыкой Китая в восьмилетнем возрасте, а фактически начал править позже. В его время империя расширяла свои пределы, росла экономика. Наследовал и развил успехи внук — Цянь-лун, занимавший трон 59 лет (время правления — 1736–1795). При нем Китай

достиг пика могущества. К концу XVIII в. население составило 300 миллионов человек. Прокормить их помогали завезенные из Америки сладкий картофель — батат и арахис. Империя в ходе войн на севере и юге расширилась до 13 миллионов кв. километров, уступая только России. В Цинскую эпоху появился главный роман страны — «Сон в красном тереме», свои волшебные истории о чудесах и духах сотворил Пу Сун-лин.

Но в XIX веке наступил спад. В середине века англичане и французы, которые ввозили в страну опиум, развязали две опиумные войны — сначала в 1840–1842 гг., приведшую к подписанию Нанкинского договора, по которому Китай отдал под юрисдикцию интервентов пять портов на юге, включая Шанхай и Гуанчжоу, затем в 1856–1860 гг., когда английские и французские войска захватили Пекин и сожгли императорский дворец Юаньминъюань. Крестьянские восстания, неравноправные договоры, проигранные войны, в том числе — Японии в 1894–1895 гг., привели страну в состояние депрессии и опустошенности. Требовались реформы. Но им противилась владычица Цы-си, вплоть до своей смерти, когда к власти пришел последний китайский император, малолетний Пу И. Править ему фактически не довелось.

Китайская Республика (Zhonghua Minguo) 1912–1949

В октябре 1911 года произошла демократическая антифеодалная революция, во главе которой стоял Сунь Ят-сен (1866–1925); в Китае его зовут Сунь Чжун-шань / *Sun Zhongshan* (Сунь Срединная гора). Он взял имя по названию местности в провинции Гуандун, где родился; во всех китайских городах теперь есть проспект или главная улица — Чжун-шань. Сунь Ят-сен учился в миссионерской англиканской школе на Гаваях (США), затем продолжил образование в Гонконге, где получил диплом врача, там же приобщился к христианству (стал баптистом). Медиком никогда не работал: с юности овладевший знаниями о другой жизни, более просвещенной и демократической, с иными экономическими и политическими законами, он мечтал освободить Китай от маньчжурского владычества, вместе с единомышленниками создавал общественные союзы и объединения. Их целью было насильственное свержение Цинской династии. Жизнь Сунь Ят-сена проходила в скитаниях. Он собирал средства для революционного движения по всему миру: в Юго-Восточной Азии (Сингапур, Малайя), в США, Канаде, Европе. Деньги давали китайские общины. На эти средства Сунь Ят-сен пытался поднять восстание, но безуспешно. Китайские власти преследовали его, спасала поддержка друзей во многих странах мира.

Между тем ярость против маньчжуров накапливалась, вспыхивали народные бунты, наконец в октябре 1911 года развернулось масштабное

Учанское восстание. Учан — один из районов крупного города Ухань, центра провинции Хубэй. Волнения начались в армейских частях и были поддержаны населением, в итоге восставшие захватили власть в городе. Спустя месяц 11 провинций и городов Китая заявили о своей независимости от цинской власти. Известие об Учанском восстании застало Сунь Ят-сена в США, он вернулся на родину в конце декабря, уже через несколько дней, 1 января 1912 года Китай был провозглашен республикой, а доктор Сунь стал первым президентом, правда, временным, всего на месяц, однако этого хватило, чтобы он навсегда вошел в историю как «отец нации». Ежегодно в Китае 10 октября отмечается праздник «двойной десятки» — день Учанского восстания и начала Синьхайской революции.

Сунь Ят-сен стоял во главе партии Гоминьдан (Китайская национальная народная партия), которая в 1912 году захватила власть в стране. Провозглашая националистические лозунги, Гоминьдан опирался не столько на «широкие демократические массы», сколько на армию и буржуазию, а также тайные общества, выступавшие против всего иностранного. Национализм обострился после смерти Сунь Ят-сена. Партию возглавил его соратник Чан Кай-ши / *Jiang Jieshi*, который в отличие от «отца нации» не был привержен западным демократическим идеалам. Военный министр в правительстве Сунь Ят-сена, сторонник единого Китая, государственник, он мечтал объединить страну под своим контролем, опирался на финансовую поддержку капиталистов юга, для удержания власти не чурался никаких средств, включая поддержку гангстерских синдикатов, представители которых входили в руководство партии.

Бурные 20-е и 30-е годы смешали жизнь, по всей стране бушевали гражданские войны, ее делили генералы, отхватившие себе по куску бывшей империи. На юге страны, сделав столицей Нанкин, правил Гоминьдан во главе с Чан Кай-ши, на северо-востоке — генерал Чжан Цзо-линь, в Пекине сидело центральное правительство, которое мало кто признавал, и со всеми ними боролись коммунисты, партия которых была создана в 1921 году в Шанхае. Обстановка гражданской войны, кратко сформулированная для России бедолагой-крестьянином в советском фильме 30-х годов «Чапаев»: «Белые придут — грабят, красные придут — грабят...», в Китае отражена в романе Лао Шэ «Чайная», где смена властей, войны и хаос приводили к одному: смерти и страданиям людей.

Китайские коммунисты пользовались постоянной поддержкой Москвы. Впрочем, на нее опирался до самой смерти от рака печени в 1925 году и Сунь Ятсен, который сам обратился к России с предложением

сотрудничества. Он завещал своим сторонникам проводить курс: «союз с Россией, союз с коммунистами, поддержка крестьян и рабочих». Верная соратница, жена и затем вдова «отца нации» Сун Цин-лин стойко выступала за проведение этой политики, вступив в жесткое идеологическое противостояние с Чан Кай-ши, который ненавидел «красных» и считал врагом номер один китайских коммунистов, а врагом номер два — российских. Враждебное отношение к нему Сун Цин-лин доходило до такой степени, что, узнав о намерении своей сестры Сун Мэй-лин выйти замуж за Чан Кай-ши, она заявила, что пусть лучше та умрет, чем станет женой «предателя». Но это произойдет позже...

Пока же, в 1923 году, по указанию Сунь Ят-сена Чан Кай-ши отправился Москву за помощью в укреплении вооруженных сил, провел там три месяца, пытаясь встретиться лично с Лениным, но из-за болезни «вождя пролетариата» встреча не состоялась, зато он познакомился с Л. Троцким, с руководством МИДа, военными, изучил политическую и экономическую обстановку. В итоге Чан Кай-ши вернулся на родину еще бóльшим антикоммунистом и доложил Сунь Ят-сену, что российский коммунизм — угроза человечеству, а нынешний друг — Советская Россия будет когда-то самым большим врагом Китая. Сунь Ят-сен был против такого подхода и выступал за поддержание отношений с Россией, потому что она единственная оказывала Китаю безусловную и безвозмездную помощь, в том числе кредитами, не говоря уже о тесном военном сотрудничестве.

В 1923 году был подписан договор, по которому в южный Китай прибыли из России военные советники. Они работали в знаменитой военной школе *Хуанпу / Huangpu*, созданной на острове Хуанпу (Вампу на гуандунском диалекте) в устье реки Чжуцзян, Жемчужной, недалеко от Гуанчжоу. Офицеры, ее выпускники, становились костяком китайской армии. Школой руководил Чан Кай-ши, а заместителем по политработе в первые годы был коммунист Чжоу Энь-лай. В то время продолжалось сотрудничество с коммунистами, которые по настоянию Москвы даже входили в состав партии Гоминьдан и ее руководство. Мао Цзэ-дун, например, был не только одним из лидеров коммунистов, но и представителем Гоминьдана на своей родине, в провинции Хунань.

В 1925 году в Москву в Коммунистический университет трудящихся Китая им. Сунь Ят-сена поехал 15-летний сын Чан Кай-ши, *Цзян Цзин-го / Jiang Jingguo*. После ухудшения отношений с Гоминьданом он находился в России фактически в положении заложника, хотя и привилегированного. Получил русское имя — Николай Елизаров, отрекся от отца, учился в военно-политической академии в Ленинграде, вступил в ВКПБ,

работал колхозником в деревне, добывал золото на Алтае, затем трудился на крупнейшем заводе — Уралмаше, где издавал газету и женился на уроженке Белоруссии Фаине Вахревой. В 1937 году был обменян на советского разведчика в Китае и вернулся с женой на родину. Спустя годы он возглавит Тайваньскую республику, супруга станет первой леди острова...

Советская помощь, финансовая, материальная и военная, помогла Гоминьдану усилить вооруженные силы, и его Национально-революционная армия (НРА) в 1926 году отправилась в «северный поход», завоевывая все новые и новые территории на севере, в итоге дойдя в 1928 году до Пекина и Тяньцзиня.

Среди военных советников выделялся В. Блюхер, который разрабатывал планы боевых действий НРА, пользовался большим уважением китайцев и лично Чан Кай-ши, в отличие от главного «политического советника» при Гоминьдане М. Бородина, сторонника резких революционных мер. Политика московских эмиссаров, активность агентов Коминтерна в Китае, готовящих «мировую революцию», вызывала все большее недовольство в руководстве Гоминьдана.

В 1926 году Чан Кай-ши, считающий, что «подрывная» деятельность коммунистов ослабляет национальное единство, изгнал их из своей армии. В апреле следующего года гоминьдановцы подавили в Шанхае массовое восстание против северных милитаристов, организованное коммунистами во главе с Чжоу Энь-лаем; тысячи рабочих, руководителей компартии и профсоюзов были убиты и посажены в тюрьму. Ударной силой при разгроме восставших и подавлении студенческих выступлений служили бандиты из триад, тайных обществ, которые контролировали южные районы Китая, получая доход от торговли опиумом, контрабанды, вымогательства, проституции, азартных игр. Их боссы были теневыми правителями южных городов. По некоторым данным, сам Чан Кай-ши принадлежал к «зеленому братству», *цин бан / qing bang*. Главарь «зеленых бандитов» Ду Юэ-шэн / *Du Yuesheng* за «шанхайскую резню» был вознагражден: возглавил национальную комиссию по борьбе с наркотиками (!) и заодно — шанхайские профсоюзы. Тогда же были разгромлены советские консульства в Шанхае, Гуанчжоу и Пекине, где нашли документы, свидетельствующие, что Москва поставляла оружие коммунистам и пыталась столкнуть гоминьдановское правительство с западными странами, рекомендуя для этого своим идейным соратникам идти на провокации, включая даже «грабежи и массовые убийства».

В декабре 1927 года Чан Кай-ши разорвал дипломатические отношения с Советским Союзом, в 1929 году дело дошло до вооруженно-

го конфликта между двумя странами, когда после попыток китайской стороны захватить Китайско-Восточную железную дорогу Дальневосточная армия разгромила маньчжурские войска, восстановив суверенитет над КВЖД.

Вражда с Россией, внутреннее противостояние гоминьдановцев и коммунистов длились десять лет, до той поры, когда китайцам пришлось объединиться против японской агрессии.

Японская Квантунская армия, военная группировка, в результате поражения России в русско-японской войне вставшая на Ляодунском полуострове, в сентябре 1931 года заняла Мукден (ныне Шэньян). Она начала ползучую оккупацию страны, к началу следующего года захватив весь Северо-Восточный Китай, а впридачу и Монголию. Было создано марионеточное государство Маньчжоу-го (1932–1945). Сначала японцы опирались на помощь маршала Чжан Цзо-линя, «диктатора» Северо-Востока, затем — на бывшего, последнего в истории, китайского императора Пу И. Постепенно японцы продвигались на юг и в 1937 году захватили Пекин, Тяньцзинь, высадили десант в Шанхае, напали на столицу — Нанкин, где в декабре уничтожили триста тысяч мирных жителей.

Перед лицом общей угрозы Чан Кай-ши пошел на военный союз с коммунистами. Не добровольно. Его вынудили. Произошло это самым необычным образом. Героем истории стал Чжан Сюэ-лян / *Zhang Xueliang*, сын бывшего властителя Маньчжурии Чжан Цзо-линя. Он служил генералом в гоминьдановской армии, и, видя, что родина в опасности, — во многом из-за раскола между самими китайцами — в декабре 1936 года захватил прилетевшего из Нанкина Чан Кай-ши в окрестностях города Сиань, в гостинице у горячих источников Хуацзин, в которых когда-то грелся танский император Сюань-цзун с драгоценной наложницей Ян-гуйфэй...

Чан Кай-ши арестовали и не выпускали до тех пор, пока он не согласился подписать договор о совместных действиях гоминьдановцев и коммунистов против японцев. Коммунистов на переговорах представлял Чжоу Эн-лай. Так была остановлена десятилетняя гражданская война 1927–1937 гг. За это в КНР чтут Чжан Сюэ-ляна как «великого патриота». После инцидента в Сиани он, неожиданно для своих сторонников, улетел в Нанкин вместе с Чан Кай-ши, был им разжалован, оставался чуть ли не 40 лет под домашним арестом, сначала в Китае, затем на Тайване, умер в возрасте 101 года на Гавайях (США) в 2001 году. Китайская пресса почтила его память некрологами. КНР он никогда не посещал, несмотря на неоднократные приглашения.

Некоторые исследователи указывают на противоречивость его личности. По данным, опубликованным в 50-е годы в США бывшим сотрудником советской военной разведки на Дальнем Востоке В. Фардобиным, впрочем, не подтвержденным, стремясь к власти, он якобы участвовал в устранении своего отца, который погиб, подорвавшись в бронепоезде при поездке из Бэйпина (Пекина) в Мукден в 1928 году. По другим данным, устранение Чжан Цзо-линя организовала Москва, недовольная его сближением с Японией.

Убийство совершили якобы агенты советской военной разведки, операцией руководили резидент ОГПУ в Шанхае Х. Салнынь и резидент в Харбине Н. Эйтингон, спланировавший позже убийство Троцкого.

Официальная же версия: отца Чжан Сюэ-ляна убили японцы.

Советский Союз оказал большую помощь Китаю в войне сопротивления. В августе 1937 года две страны подписали договор о ненападении. Были отставлены в сторону идеологические разногласия. В Китай поставлялись техника, топливо, оборудование. В войсках работали военные советники, в небе воевали сотни советских летчиков. В 1945 году группировка японских войск в Маньчжурии была разгромлена советской армией. Между СССР и гоминьдановским Китаем был заключен договор о дружбе и союзе.

Четыре года спустя коммунисты во главе с Мао Цзэ-дуном одержали верх над Гоминьданом, два миллиона членов которого бежали на остров Тайвань и создали там свою республику. Китай стал народным.

С 1949 г. по настоящее время — Китайская Народная Республика

КНР, провозглашенная 1 октября 1949 года Мао Цзэ-дуном с трибуны на площади Тяньаньмэнь, под руководством коммунистической партии прошла испытания многих социальных экспериментов. После заключения с СССР в начале 1950 года Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи в Китае при советском участии создавались учебные заведения, строились крупные предприятия; хозяйственная жизнь стала налаживаться. Но спустя несколько лет последовал «большой скачок» (1958–1960): стремясь одним махом догнать и перегнать Запад, китайские власти для увеличения сбора зерна создали «народные коммуны» и начали обобществление личных хозяйств, для производства металла повсюду ставили глиняные печи, где кустарным образом выплавляли чугун, годный только для изготовления мотыг...

Вдобавок к этим разоряющим экономику мерам на страну обрушились стихийные бедствия: сильнейшая засуха в северных районах и наводнение на юго-востоке, вызванное разливом Янцзы. Крестьяне и рабочие «плавили сталь», а еще коллективно боролись с воробьями,

которые оказались «вредителями» народного добра, потому что «склеивали урожай». На самом деле зерно подчистую забирали и отправляли в государственные закрома — ведь в завышенных рапортах местные власти докладывали о рекордных урожаях. Показывая миру, что Китай процветает, зерно даже экспортировали, хотя в отдельных районах уже нечего было есть. Сильно пострадала даже традиционная житница страны — Сычуань, одна из самых населенных провинций: ее лидер наиболее рьяно выполнял указания партии, отсылая наверх рапорты об «успехах». По неофициальным данным, от голода в 1959–1961 годах умерли около 30 миллионов человек. Экономика рухнула.

Лишь в 1961 году высшая власть опомнилась. За исправление критической ситуации пришлось браться Дэн Сяопину и Лю Шао-ци. Председатель КНР Лю Шао-ци заявил, что причиной несчастий на 30 процентов были стихийные бедствия, а на 70 процентов — политика. Мао Цзэ-дун, которого однопартийцы обвинили в бедах «большого скачка», удалился для размышлений на дачу в Ханчжоу, городе недалеко от Шанхая, где впоследствии родилась «культурная революция» — орудие в борьбе за власть, его мечь тем, кто выступил против...

Затем последовал разрыв отношений с СССР из-за «ревизионизма» советских лидеров (после разоблачительного доклада Н. Хрущева о злодеяниях Сталина); в 1964 году был остановлен обмен студентами, прекращены научные и культурные контакты.

Спустя два года Мао запустил еще один разрушительный социальный эксперимент — «культурную революцию» (1966–1976).

Потребовалось много усилий и времени для того, чтобы жизнь вошла в нормальное русло. Спустя 23 года после своего образования КНР установила отношения с США и другими западными странами; смерть Мао в 1976 году позволила прекратить десятилетний кошмар политического террора и репрессий, под руководством Дэн Сяопина начался бурный экономический подъем, в течение последующих 30 лет Китай развивался быстрее, чем какая-либо другая страна в мире. Плоды этого очевидны: теперь КНР обладает второй по мощи экономикой в мире.

Как очевидны и проблемы, главная из которых: огромная масса сельского населения, чьи доходы по-прежнему низки, особенно в центральных и западных районах. Китай по-прежнему развивающаяся страна, ему предстоит большой путь, чтобы встать в ряд с развитыми государствами. Центральная власть пытается держать население под жестким контролем, испытывая страх перед социальными потрясениями, исход которых был бы опасен не только для самого Китая, но и для всего мира.

Китайская цивилизация: характерные черты

Китайская цивилизация насчитывает более 5000 лет. По мнению китайцев, да и не только их, она отличается от других (Вавилон, Египет) прежде всего непрерывностью: временами замедляла развитие, даже останавливалась в годы смут и бедствий, но не прерывалась. Типичное рассуждение таково: вавилоняне должны были быть сегодня там, где находится Ирак; Египет оставил нам пирамиды, но только как реликвии; санскрит — мертвый язык; Греция изменилась под влиянием Римской цивилизации и европейского Возрождения, но сколько людей может читать Гомера в оригинале?.. А любой китаец с достаточным уровнем образования прочитает высказывания Конфуция в том виде, в каком они были записаны.

Впрочем, развитие шло неравномерно. Иногда оно резко замедлялось. Ученые анализируют причины, к примеру, почему, достигнув экономической и культурной мощи, Китай, начиная с 20-х годов XIX в., «упустил» полтора столетия, утратив положение одной из ведущих держав мира. Его новый подъем начался только с реформами 80-х годов прошлого века. Некоторые связывают «застой» с политикой закрытости страны, которой стали придерживаться поздние цинские правители, и приводят в пример динамичный рост в Танскую эпоху, когда активно развивались контакты со всем миром.

Китайцы гордятся восприимчивостью своей цивилизации и культуры. Они впитывают все новое из-за рубежа. И это новое становится частью китайского опыта.

И еще — терпимость. Готовность принять чужие взгляды. Китайцы относят это к числу своих основных достоинств.

Кроме того, Китай впитал и переварил множество других народов и культур. Кто только не завоевывал Китай, начиная с древности! Племена кочевников и воинов — чжурчжэни, кидани, монголы, маньчжуры — вторгались в Китай, устанавливали власть, их вожди становились императорами — и постепенно все теряли самобытность, растворялись в огромной человеческой массе ханьцев и других народов, в их длительной истории, традициях и культуре. И сами становились частью китайской традиции и истории, дополняя их и обогащая.

Основные этапы развития китайской цивилизации, материальной и духовной, отражены в капитальном труде, равного которому в современном мире синологии, пожалуй, не найти — энциклопедии «Духовная культура Китая» в шести томах. Ее создали в начале этого века

лучшие синологи России, вложив весь опыт и знания, накопленные за последние десятилетия отечественной китаистикой. По своему уровню — научной глубине, охвату тем, систематизации, тщательности справочного аппарата, иллюстративному материалу и оформлению — энциклопедия блестяще соответствует предмету изучения, великой китайской цивилизации.

Почему Китай называется Китаем...

Существует несколько версий. Одна из самых достоверных ведет нас за ручку в эпоху Сун, когда на центральные районы Китая совершали непрестанные набеги племена киданей. По-китайски они — *цидань / qidan*. В латинской транскрипции — *khitan*. Кидани долго сражались с ханьцами и в конце концов основали свою династию с названием Ляо. За пределами страны ее называли производно от *khitan* — *Cathay*. Название сохранилось на географических картах средних веков, составленных чужеземцами. Сейчас оно живет, например, в названии гонконгской авиакомпания *Cathay Pacific*. В России *Cathay* переименовали в Китай.

...И почему China называется China?..

Наиболее продуманное предположение погружает нас в глубокую древность, а именно в пору открытия Великого шелкового пути, соединившего страну с Центральной Азией, Европой и Ближним Востоком. Во II в. до н. э. отважный китайский дипломат *Чжан Цянь / Zhang Qian*, посланный ханьским императором с особым заданием: вернуть в лоно родины племя сюэчжи, ушедшее на запад под натиском могущественных сюнну, открыл для Китая новые земли. Он считается первооткрывателем Великого шелкового пути.

Правда, вернуть заблудшее племя не получилось, наоборот, Чжан Цянь сам попал в плен сюнну и провел там несколько лет. Но затем ему удалось бежать — и что вы думаете? Храбрый дипломат не вернулся на родину, нет: верный долгу и слову, направился дальше на запад и добрался до Средней Азии, до низовий Сырдарьи.

Пошел бы и дальше, но не вышло. Зато Чжан Цянь узнал про существование Индии и Парфии. А главное, убедился, что далекие страны заинтересованы в торговле с Китаем и особенно им нравится шелк. По-китайски шелк — *сы / si*, от этого слова произошло *seres*, которым латиняне обозначали Китай и китайцев, «земля, откуда шелк», страна серов.

Самое распространенное сегодня China ведет нас к названию первой китайской империи Цинь / Qin. Великий шелковый путь принес в страны мира это слово, произносившееся как *Tina* или *Sina*, *Sina* и наконец *China*.

Конфуций — самый известный китаец

Можно с уверенностью сказать, что Конфуций стал самым известным китайцем в мире. Его имя на слуху в разных уголках планеты. На Западе среди интеллектуалов считается модным щегольнуть знанием идей великого китайца. Правительство КНР решило воспользоваться этим для пропаганды китайской культуры и создает в зарубежных странах так называемые Институты Конфуция (всего в мире к началу 2016 года открыто около 500).

В то же время многим все-таки неведомо, что это за человек и чем он прославился. (Не это ли называется подлинной известностью?)

Конфуция (Кун-цзы) называют философом, государственным деятелем, мыслителем, учителем. Идеи конфуцианского учения во многом формировали основы китайской государственности, обеспечивали преемственность моральных ценностей, стабильность общественных устоев и в конечном счете — непрерывность китайской цивилизации.

Конфуций родился в 551 году до новой эры, 28 сентября. В этот день в его родной городок Цюйфу в провинции Шаньдун приезжают тысячи поклонников. Там живет много его потомков. Но слыть отдаленным отпрыском знаменитого рода, мягко говоря, не редкость. В мире насчитывается 3 миллиона его потомков, большая часть из них живет в Китае. Они сами, по крайней мере, называют себя его потомками. Как-то ученым пришла в голову мысль проверить по ДНК принадлежность этих людей к роду Кун: отобрать самых что ни на есть родных, взять образец крови в качестве эталона и подтвердить или опровергнуть претензии всех остальных на родство. Ассоциация потомков предложение отвергла. Довод прозвучал вполне резонный: важна духовная общность, а не кровная. Но, может, кто-то просто боялся потерять драгоценное звание потомка.

Небо, земля, государь, родители и учитель — это пять самых важных понятий в конфуцианстве. Конфуций уподоблял государство семье: и там и там должно быть четкое подчинение старшему. При этом он говорил, что не создает нового, а лишь следует мудрости правителей прошлого, в особенности легендарных повелителей царства Чжоу, Вэнь-вана и его сына Чжоу-гуна. Он искал идеал в прошлом, а вышло так, что сам стал кумиром китайцев на многие века вперед.

Между тем отношение к мудрецу и его идеям в Китае не всегда отличалось почтительностью. Учение далеко не сразу нашло признание. Представители даосизма, например, упрекали Конфуция в корыстолюбии и самовлюбленности, в том, что он пытался поучать других, в то время как сам постоянно терпел неудачи в попытках управлять и в других жизненно важных делах. Они считали его учение не имеющим ценности, оторванным от реальной жизни.

Но со временем конфуцианство вошло в практику правления, стало мерилом моральных ценностей, а сам Кун-цзы был обожествлен. Его идеи в течение веков развивали последователи, т. н. неоконфуцианцы. Властителям основные принципы конфуцианства изначально выгодны: идея подчинения младшего старшему, подданных — правителю, строгость нравственных установок и морали укрепляли авторитет власти и государства. Однако всякий раз, когда идеи Конфуция о совершенствовании личности и разумном правлении на благо народа входили в противоречие с существующей политикой, конфуцианство и его последователи подвергались гонениям. Начиная уже с первого императора Цинь Ши-хуана, сжигавшего книги Конфуция и закапывавшего в землю конфуцианцев, и кончая «критикой Линь Бяо и Конфуция» во время «культурной революции» в середине прошлого века. Во время патриотического движения 4-го мая 1919 года конфуцианство клеймили за то, что его догматизм привел к отсталости Китая.

О жизни великого мыслителя, его идеях и роли в жизни Китая объемно и в то же время детально, создавая образ Кун-цзы — человека, рассказывает российский китаевед В. Малявин в книге «Конфуций».

Первый китайский император Цинь Ши-хуан

Он родился в княжеской семье в 259 г. до н. э. Княжество Цинь (сейчас провинции Шэньси и Ганьсу в центральной и северо-западной части Китая) было одним из семи княжеств, соперничающих за власть. В тринадцать лет князь *Ин-чжэн* / *Yingzheng* — так звали будущего императора — унаследовал престол, но официально стал править в 22 года.

Он сразу же начал, а вернее, продолжил, и более успешно, нежели его предшественники, борьбу с соседними княжествами. За полтора десятка лет военных походов и сражений ему удалось разгромить соперников и объединить власть. Так в 221 г. до н. э. появилась империя Цинь. Дабы запечатлеть навеки победу над врагами, Цинь Ши-хуан в столице империи, городе Сяньян (рядом с г. Сиань в провинции Шэньси) велел построить дворцы по образу и подобию резиденций побежденных им правителей.

Цинь Ши-хуан правил жестко и жестоко. Ввел единый стиль иероглифического письма, не допускающий разночтений и неоднозначного толкования знаков (ранее этим пользовались правители на местах в своих целях при исполнении императорских указов, которые они могли толковать так, как им выгодно), были введены ключи, то есть «опознаватели» принадлежности иероглифа к тому или иному смысловому ряду; как указывает китаевед Л. И. Головачева, именно поэтому были сожжены все старые книги, в том числе конфуцианские каноны. Он разбил страну на области и уезды, унифицировал налоги, законы, а также меры веса. Медные китайские монеты с квадратным отверстием в центре, которые сейчас лежат на всех блошиных рынках и в магазинах антиквариата, тоже идут с тех времен (деньги считались связками, отверстия служили, чтобы нанизывать монеты).

Столица империи строилась по четкому плану. Отдельно был выстроен дворцовый комплекс с сотнями величественных зданий и храмов, отдельно — дома для горожан, отдельно — производственный район с мастерскими ремесленников и торговыми лавками. Население столицы составляло около 800 тысяч человек. Хорошие дороги связали Сяньян с югом и севером страны.

Он не знал пощады ни к побежденным врагам, ни к своим подданным. Огромные налоги, рабский труд, нищие крестьяне — все это было оборотной стороной имперского благополучия. Недовольство и восстания карались огнем и мечом.

Император знал, как сделать, чтобы побежденные не смогли воспрянуть. По его приказу двенадцать тысяч семей шести покоренных царств, принадлежащих к княжеским родам или к местной знати, перевезли в район столицы Сяньян, чтобы отрезать все властные связи и обезглавить подчиненные народы. В поверженных царствах собрали оружие, переплавили, из полученного металла отлили статуи и установили их перед главным императорским дворцом.

Закопал в землю более 400 конфуцианцев. Якобы за то, что те осуждали жестокое правление, считая его «темным», не отвечающим древним образцам. Блестящая исследовательница темы Л. И. Головачева полагает: устраняя людей старого знания, он расчищал поле для новой письменности, принципиально важной в укреплении единой власти.

Никто не считал, сколько людей легли костями при строительстве Великой китайской стены, которую возводили при Цинь Ши-хуане для защиты от «северных варваров». Защитить она ни от кого толком не защитила, зато сколько горестных и поминальных песен было сложено вдовами отправленных на строительство — считай на смерть. Эти песни дошли и до наших времен.

Цинь Ши-хуан ценил медицину и надеялся жить вечно. (Это стало еще одним камнем преткновения в отношениях с конфуцианцами: те считали ересью представления о загробной жизни.) В те времена полагали, что чудотворными свойствами обладает «водяное серебро» — ртуть, изготовленная, по-видимому, из киновари или алхимического золота. Принимаемая императором постоянно, она, по утверждению историков, и свела его в могилу в 210 г. до н. э.

Страна тут же рассыпалась. Его сын, такой же жестокий, как отец, но совершенно бездарный правитель и никудышный вояка, не смог удержать власть. Восстание, вызвавшее крушение первой империи, началось, как бы мы сейчас сказали, с рядового опоздания на рабочее место. 900 работников шли из одного города в другой. Дожди размыли дорогу, сильный ветер замедлял движение. Но, в отличие от наших дней, опоздание по циньшихуанским законам каралось смертью. Терять опоздавшим было нечего. Крестьяне решились на восстание и победили, потому что их поддерживали другие такие же обездоленные и доведенные до отчаяния подданные. Один из бунтовщиков стал в 206 г. до н. э. основателем следующей династии.

Хороший он был, первый китайский самодержец, или плохой, наверное, не нам, чужеземцам, судить. Нам бы со своим Петром Первым разобраться: то ли он кровавый мясник, самолично рубивший головы, — до этого вроде бы даже Цинь Ши-хуан не дошел, то ли реформатор, ставивший Россию на европейские рельсы.... Жестокие века, жестокие нравы... Китайцы сами не дают однозначных оценок. В фильме «Герой», вышедшем на экраны в начале третьего тысячелетия, масштабно и красиво снятом Чжан Имоу, с яркими сценами боев, схватками один на один в китайском стиле, исполненными художественно, вровень с искусством каллиграфии и игры на цине, императора Цинь Ши-хуана должны убить четверо отважных воинов. Все погибают, кроме самого искусного, по прозвищу Безымянный, роль исполняет Джет Ли; он добирается наконец до императора. И не может поднять на него меч. Потому что понимает: император объединит Китай и сделает жизнь лучше. И предпочитает умереть сам...

Но как быть с казненными конфуцианцами?

Советы начинающим китаеведам: Где еще отыскать глиняные армии

Вы можете рассказать другим, что Цинь Ши-хуан был первым, но не последним императором, который забрал с собой в могилу глиняную армию. Другие властители тоже считали, что

в загробной жизни им нужна своя армия — чтобы не кормить чужую загробную армию. Например, в 2003 году в горах провинции Шаньдун на восточном побережье был найден погребальный комплекс эпохи Хань (206 до н. э. — 220 н. э.). Археологи обнаружили более 170 глиняных воинов, вооруженных пиками, со щитами, а также шесть десятков лошадей, четыре колесницы. Маленькое войско сохраняло боевой порядок: кавалерия впереди, колесницы в центре, а за ними — пехотинцы.

Последний император

Последнего императора Китая, маньчжура по национальности, звали Айсингиоро Пу И (1906–1967). История жизни этого тщедушного очкарика удивительна. Он был племянником императора Гуан-сюя, а наследником престола его сделала всесильная вдовствующая императрица Цы-си. Двухлетним он «взошел на трон» и спустя три года, в 1912 году, был свергнут, после того, как демократическая революция уничтожила Цинскую династию.

До 1924 года ему разрешали по-прежнему жить в императорском дворце в Пекине, сохраняя часть придворных и привилегии, затем Пу И попросили оттуда, и он перебрался в крупный портовый Тяньцзинь, на берегу Желтого моря, там тогда заправляли японцы.

В Тяньцзине Пу И основал «двор в изгнании»: издавал указы, продолжая использовать императорский девиз правления «Сюань-тун» («Провозглашенное единство»), созывал «императорский совет». Обосновался в особняке Цзинъюань (Тихий сад) с женой Вань Жун и наложницей Вэнь Сю. На дверях резиденции, где они жили два года (1929–1931), висела табличка: «Канцелярия маньчжурской династии Цин в Тяньцзине». Сейчас там музей.

В 1932 году японцы объявили его верховным правителем марионеточного государства Маньжоу-го. Пу И понадобился им как «зиц-председатель»: прикрываясь «наследником династии Цин», японцы хотели на «законном основании» «восстановления империи» двигаться дальше, на юг.

После разгрома Квантунской группировки японцев злосчастный наследник престола был захвачен советскими войсками на аэродроме в Мукдене 19 августа 1945 года, когда он готовился улететь в Японию. Его отправили в лагерь под Читой. Затем какое-то время он провел в лагере для привилегированных военнопленных в подмосковном Красногорске, где сидели фельдмаршал Паулюс, высокие чины немецкой и других армий. Там Пу И готовили к выступлению свидетелем на между-

народном трибунале над японской военщиной в 1946 году в Токио. Он давал показания в течение восьми дней, дольше всех свидетелей обвинения, говорил, что японцы его «заставили»... Затем несколько лет провел под Хабаровском «под присмотром» советских спецслужб. Очень боялся выдачи китайским властям. Отправил Сталину часть припрятанных драгоценностей, получил в ответ труды классиков марксизма-ленинизма, «проникся идеями» коммунизма, написал даже заявление о вступлении в партию большевиков (ВКПБ).

В 1950 году советские власти согласились вернуть Пу И на родину при условии, что Пекин сохранит ему жизнь. 9 лет он находился в заключении в разных тюрьмах Китая. После освобождения по амнистии по случаю 10-летия КНР работал в пекинском ботаническом саду, затем в комитете по изучению истории Народного политического консультативного совета Китая, написал мемуары «Первая половина моей жизни», которые в переводе имели запоминающееся название — «От императора до гражданина». Сколько правды в этой книге — большой вопрос, автору помогал целый коллектив официальных историков. Руководство КНР относилось к перевоспитавшемуся императору лояльно, заботилось, лечило, когда он заболел. Пу И умер от рака печени в 1967 году, на второй год «культурной революции». «Красные охранники» и «бунтари» врывались к нему в дом, даже в больничную палату, где он лежал, издевались, требовали обличения прошлого и выдачи «агентов» старого режима. Возможно, смерть уберегла его от еще больших унижений: молодые «революционеры» не знали пощады, даже когда удар наносился по людям с безупречной репутацией.

В жизни этого человека сплелось многое: век прошлый и новый, гражданская война и война мировая, судьбы людей и государств. Узнать подробнее о нем вы можете в насыщенной интересными фактами и деталями книге российского китаевода В. Усова «Последний император Китая. Пу И».

Образцовый император?

Пожалуй, образцовым китайским императором можно назвать Цяньлуна (Хун Ли). Хотя со мной могут не согласиться, сказав, например, что он уступает своему деду Кан-си. Кстати, портреты обоих, дедушки и его любимого внука, не вместе, конечно, а по отдельности, можно видеть на копиях картин в музеях, магазинах и на рынках антиквариата в Китае. Они изображаются в желтых императорских одеяниях, перед свитками документов, и вид у них скорее ученых, нежели всевластных правителей Поднебесной.

В этом, собственно, и заключается их отличие от других. Они прекрасно знали, что литература и искусство вписывают имена творцов в историю навечно, они наперечет, а императоров — сколько их там было! — знают чаще всего только по династийным хроникам.

Цянь-лун родился в 1711 году и умер в 1799 году. Хун Ли — это имя, данное родителями. Цянь-лун, «Небесное величие», — девиз его правления. Каждый император, вступая на трон, обозначал свое правление благозвучными эпитетами, поэтому китайская история делится еще и на периоды властвования под разными девизами.

Цянь-лун правил Китаем 60 лет, с 1736 по 1795 год. Политический долгожитель, как бы мы сегодня сказали. (Всего на год меньше, чем дед — Кан-си, но фактически правил дольше него.) Четвертый император маньчжурской — Цинской династии прославился как разносторонняя личность. Прекрасно разбирался в истории, поэзии и живописи, писал стихи, «графоманские» — уверяют китайские критики, но иностранцам весьма трудно, если вообще возможно, отличить китайского графомана от достойного поэта, тем более когда речь идет о древности.

Увлекался каллиграфией, его кабинет украшали творения знаменитого мастера Ван Си-чжи и двух его последователей. Копии выполненного кистью Цянь-луна иероглифа «долголетие», *шоу / shou*, на шелковом свитке, считающегося образцом классической каллиграфии, с именной печатью императора, китайцы дарят на круглый юбилей своим долгожителям.

Привечал заморских художников, его придворным живописцем был итальянский католический миссионер Дж. Кастильоне, человек многих дарований: он, к примеру, спланировал знаменитый фонтан-часы в летнем дворце Юаньминъюань, строительство которого завершили под началом просвещенного монарха.

Закончил обустройство начатого дедом в двухстах верстах от столицы чудо-парка, до сих пор не превзойденного по масштабам и красоте, — Горного убежища от летней жары, Би-шу шань-чжуан. Любитель длительных охотничьих походов, он слыл прекрасным стрелком, причем отличался в стрельбе из лука еще совсем мальчишкой. По легенде, его, двенадцатилетнего, взял в горы на охоту дед, император Кан-си. Загонщики выгнали на них из лесной чащи бурого медведя, отличающегося силой и свирепостью. Император сразил его стрелой. Но тут появился еще один медведь, Кан-си не успевал вытащить новую стрелу из колчана, замешкались и императорские охранники. Тут-то внук и выручил, стрелой из лука свалил хищника наземь. Другое предание гласит, что медведь был один, тоже бурый и тоже страшно

злой. Его ранили, разъяренный, он наседали на егерей и ошеломленного императора. Властитель тем не менее нашел мгновение взглянуть на внука. Тот сидел на своем пони сосредоточенный, без тени страха, сжимая маньчжурский меч, острие которого было направлено в сторону зверя.

На этом различие в преданиях заканчивается, так как в обоих дед был одинаково восхищен хладнокровной отвагой внука. С тех пор он всегда выделял мальчика среди многочисленных потомков и завещал сыну, чтобы после его (сына) смерти именно Хун Ли занял императорский трон.

Дед, император Кан-си, увлекался не только охотой. Он передал внуку тягу к наукам и искусствам, сочинял стихи, владел мастерством каллиграфии. По его приказу лучшие ученые составили объемный толковый словарь китайского языка, который так и называется — «Словарь Кан-си». Он стоит в шкафу у меня за спиной и придает уверенности в жизни: я открываю его, когда встречается такой сложный старый иероглиф, что его прочтение можно назвать расшифровкой.

Но мы отвлеклись на деда. (Ага, скажут почитатели Кан-си — дед-то был лучше внука!) Посмотрим. Внук, Цянь-лун, получил право войти в исторические анналы хотя бы потому, что по его приказу был составлен свод древних рукописей, сохранивший для истории три с половиной тысячи письменных произведений китайской культуры! Эта колоссальная по размаху и научному значению библиотека называется «Сы-ку цюань-шу» / «*Si ku quan shu*» — «Полное собрание книг четырех кладовых». «Кладовые» — это конфуцианская классика, исторические сочинения, философские трактаты (помимо конфуцианских) и литературные произведения.

Работа над составлением сокровищницы знаний заняла девять лет. Цянь-лун хотел с гарантией передать потомкам письменное богатство — самое драгоценное наследие в сознании китайцев, поэтому для пущей верности были сделаны несколько копий библиотеки. С этой же целью книжные собрания хранились в разных местах страны: в императорской резиденции Гугун в Пекине, упомянутом уже поместье Горное убежище от летней жары в Чэндэ, в древней столице Ханчжоу и еще в трех городах Китая. Для каждого были построены надежные и специально приспособленные здания.

Цянь-лун не только знал толк в науках и искусствах, но и умело управлял страной. Владея, кроме родного маньчжурского и почти родного китайского, также монгольским и тибетским языками, общался с послами без переводчика. Каждое утро начинал с работы над

документами. Не так, как это делал известный своей тягой к загородной «работе с документами» российский руководитель, а по-настоящему. Внимательно изучал поступающие доклады, принимал решения, диктовал распоряжения и указы, министры неукоснительно выполняли его волю. Самолично вел все важнейшие внутренние и внешние дела. Он управлял экономикой, руководствуясь здравым смыслом. Как известно, это делать весьма и весьма трудно. В качестве примера: в трудное неурожайное время на пять лет освободил крестьян от налогов, руководствуясь принципом, что взять можно только с того, кто что-то имеет. А когда крестьяне набрали «жирку», казна пополнилась. Страна благоденствовала. При Цянь-луне население Китая увеличилось втрое, до 300 миллионов человек, Цинская империя достигла наивысшего расцвета.

С другой стороны, говорят критики, население разрослось в основном за счет покоренных народов, ведь Цянь-лун вел захватнические войны, одну за другой проводил военные кампании, направленные на расширение территории. Так, он разгромил огромное и мощное Джунгарское царство в Центральной Азии, включавшее земли Западной Монголии, Восточного Туркестана, части Южной Сибири, Казахстана, Киргизии. Цинские войска, основной ударной силой которых была отлично организованная конница, завоевали государства, которые теперь называются Мьянма, Вьетнам и Непал. Те же критики говорят, что по приказу Цянь-луна беспощадно подавлялись народные восстания, уничтожались национальные меньшинства — так, например, были истреблены сотни тысяч представителей национальности мяо на юге Китая.

Да, таким он был. Любитель искусств и войн, неутомимый бюрократ, жестокий правитель. Образцовый император Китая. Сдал, отошел от дел только по старости, в конце жизни, когда выполнил обещание — не править дольше своего деда Кан-си; страна оказалась в руках его фаворита Хэ Шэня. Деньги разворовывались этим деятелем и его подчиненными в колоссальных масштабах. Так, средства, направленные на строительство дамб и каналов, чтобы предотвратить наводнения при разливах Хуанхэ, чиновники раскрадывали, поля затапливались, зерно дорожало, народ голодал. Постоянные военные походы разоряли государственную казну. Империя ослабла. Крестьянское восстание Белых лотосов потрясло Поднебесную и докатилось до столицы. Цянь-лун распорядился отправить ценности из императорских сокровищниц в родные места, Маньчжурию, где их закопали на дне реки, отведя предварительно воду, а потом вернули ее в русло... Предусмотрительный был человек.

Останки Цянь-луна покоятся в восточном некрополе цинских императоров у городка *Маланьюй / Malanyu* в 120 км к северо-востоку от Пекина (есть еще и западный некрополь цинских владык). Эта местность оказалась недалеко от эпицентра мощнейшего землетрясения 1976 года, полностью уничтожившего город Таншань, находящийся восточнее, но капитальные строения цинских могил не пострадали. Там захоронены 5 цинских императоров, начиная с первого — Шунь-цзы, 15 императриц, включая Цы-си, 136 наложниц. Место выбрано по правилам фэншуй: находится в междуречье и прикрыто горами. Некрополь открыт для посещения, можно увидеть гробы Цянь-луна и Цы-си. Хотя, на мой взгляд, лучше лишний раз без особой нужды не тревожить покой усопших: и им спокойнее, и нам.

Коррупционер номер один в истории Китая, или Неофициальная история перерождения

Сановника Цинского императорского двора по имени *Хэ Шэнь / He Shen* (1750–1799) принято считать самым коррумпированным чиновником Китая всех времен. Китайские историки внесли этого любимца императора Цянь-луна в список наиболее злокозненных царедворцев, отличившихся на поприще казнокрадства; здесь любят составлять «десятки» самых-самых... личностей в зависимости от их заслуг или наоборот — преступлений.

Хэ Шэнь, семья которого принадлежала к знатному маньчжурскому роду, одному из высших в воинской иерархии — красному знамени, в раннем детстве потерял родителей. Но вместе с младшим братом получил достойное образование в учебном учреждении для аристократической молодежи, кроме родного языка, владел китайским, тибетским и монгольским, отличался в военных науках и навыках, досконально постиг конфуцианские каноны. Так, однажды, когда император запамätовал строки из конфуцианского канона «Суждения и беседы» — «Лунь юй», Хэ Шэнь якобы моментально продолжил цитату и вызвал восхищение монарха. Слыл ценителем поэзии, к которой Цянь-лун также питал слабость, сам сочинял. Карьера его была вполне стандартной (начал как охранник в императорском дворце) до того момента, когда в одночасье она вдруг круто взмыла вверх.

Подобно Меньшикову при Петре Первом, Хэ Шэнь стал фаворитом повелителя — и как! Всего за полгода 26-летний молодой человек поднялся от императорского телохранителя до высочайшего поста — министра Дворцового управления, фактически первого лица правительства, получил право ездить на коне в Запретном городе, которое

обычно даровалось высочайшим повелением лишь убеленным сединами заслуженным сановникам, достигшим 65 лет.

Он возглавил военное министерство, а получив полномочия в управлении академией «Лес кистей», руководил работой над гордостью императора Цянь-луна — составлением сокровищницы знаний, библиотеки «Сы-ку цюань-шу». Провалившийся когда-то на первом, уездном уровне императорских экзаменов честолюбец встал на вершине этой карьерной пирамиды: проверял сочинения лучших на дворцовых экзаменах.

Ведал дипломатией, к примеру, работал с посланником британской короны лордом Дж. Макартни / *G. Macartney* (1737–1806), когда тот приехал в 1793 году с визитом к властителю Поднебесной с целью добиться снятия торговых ограничений; миссия закончилась провалом, поскольку Цинский двор считал выдвинутые требования неприемлемыми, к тому же англичане, гордо «правлящие морями» и представляющие крупнейшую в истории мировую империю, «над которой никогда не заходит солнце», столкнулись с не уступающим им по части высокомерия китайским великодержавным мышлением, согласно которому все страны рассматривались как вассальные.

Со временем Хэ Шэнь взял в руки руководство фактически всеми важнейшими делами Китая, включая полный контроль над финансовыми потоками и ресурсами — государственной казной, налогами.

Почему произошел такой стремительный, невиданный взлет к вершинам власти? Существует любопытная версия, относящаяся к неофициальной истории — *e-shu / yeshi*. Согласно ей, миловидный, белокожий и пунцовогубый Хэ Шэнь внешне напоминал знатную даму, которая некогда погибла по вине Цянь-луна, и тот считал появившегося при дворе юношу ее перерождением... Будущий повелитель Китая, которого в детстве звали мирским именем Хун Ли, играя во дворце, увидел известную своей красотой наложницу императора Нянь-гуйфэй (Нянь-«драгоценную», высший ранг среди наложниц), подбежал к ней сзади и прикрыл ладонями глаза. Наложница отмахнулась гребнем, думая, что шалят ее подруги. Гребень едва не задел лицо Хун Ли, тот перехватил белоснежную, «яшмовую ручку», и наложница оказалась в его объятиях. Эту сцену видели многие, в том числе мать наследника. Опасаясь, что императору Юн-чжэну донесут о случившемся (сын отбивает у отца наложницу!) и это помешает Хун Ли наследовать трон, мать первая поспешила к Сыну Неба и потребовала казнить наложницу; Нянь-гуйфэй должна была повеситься на белом полотнище из узорчатого шелка — такой вид казни император из милости иногда даровал своим приближенным. Так и произошло. Хун Ли в отчая-

нии неистовствовал над телом красавицы: «топал ногами и бил себя в грудь». Он считал, что это его вина. Одна из фрейлин сказала ему, что перед смертью Нянь-фэй пообещала через 20 лет вернуться и встретиться с Хун Ли в этой жизни. Веря в грядущую встречу, юноша прикусил средний палец и кровью оставил на лбу Нянь-фэй пятно — чтобы узнать ее в этой или следующей жизни.

Когда Хэ Шэнь впервые появился перед самодержцем, тому бросилось в глаза сходство с погибшей двадцать лет назад наложницей. Император спросил, нет ли у Хэ Шэня сестры. Сестры нет, ответил тот к разочарованию повелителя, только брат. Но тут же выяснилось, что Хэ Шэнь родился в год смерти Нянь-фэй. Более того, на лбу у него розовело родимое пятно — точно в том месте, точно такого же размера и цвета, что и отметка, оставленная кровью... Цянь-лун понял: перед ним — перерождение Нянь-фэй, она явилась, как и обещала, но в мужском облике.

Заглаживая давнюю вину, император принялся осыпать молодого аристократа подарками, всячески опекал и продвигал по службе. Управляя гражданской администрацией и доходами империи, Хэ Шэнь прибирал к рукам едва ли не половину ежегодных поступлений в государственную казну. Взяточничество достигло небывалого размаха. Высшие чиновники облагали данью нижестоящих на разных уровнях, те в свою очередь выкачивали деньги из всех возможных источников, не забывая о себе, — часто они передавали наверх лишь десятую часть.

За 20 лет нахождения у высшей власти Хэ Шэнь нажил состояние, которое оценивалось в немыслимую сумму: по одним оценкам — в 800 миллионов серебряных лянов, по другим — свыше миллиарда (лянь / *liang*, мера веса и денежная единица, неодинаковая в разные исторические периоды; лян того времени — примерно 150–220 нынешних юаней). Но все так или иначе сходятся в том, что его богатство равнялось доходам правительства от налогов за 15–20 лет. Помимо золота и серебра, рубинов, жемчугов, шелков, мехов и прочего драгоценного барахла, это были земли, дома и усадьбы, в том числе огромное поместье-сад в центре столицы, к западу от озера Цянь-хай, которое теперь известно как Дворец князя Гуна.

Впрочем, некоторые историки утверждают, что Хэ Шэнь не был таким уж коррумпированным злодеем и якобы сначала сделал все, чтобы наполнить некогда пустую государственную казну, что без него стали бы невозможны военные походы империи, требующие колоссальных средств, что будто бы не все конфискованные деньги принадлежали Хэ Шэню, часть относилась к особому фонду, который

правительство использовало для выдачи кредитов, а часть составляли подарки монарха. Они считают, что в смерти министра был заинтересован новый император, Цзя-цин, который опасался могущественного сановника. Он обвинил Хэ Шэня в двадцати видах преступлений и велел предать мучительной смерти «тысячи кусочков», но затем, после просьб приближенных к нему особ из императорской семьи, смиростивился и позволил покончить жизнь самоубийством: повеситься на удавке из белого шелка — та же почетная казнь, которой была предана когда-то «драгоценная наложница» Нянь.

Перед смертью человек, которого считали исключительно способным и сведущим, и в то же время исключительно алчным, якобы произнес: «Пятьдесят лет прошли как сон, сегодня опускаю руки и стряхиваю мирскую пыль...». Все его имущество конфисковали, оно отошло новому императору, в народе говорили: «Хэ Шэнь скопытился, Цзя-цин насытился!» Но семью преступника пощадили, учитывая родственные связи: сын Хэ Шэня был женат на самой младшей и любимой, десятой дочери покойного Цянь-луна; она появилась на свет, когда отцу исполнилось 65 лет, и с детских лет считалась парой сыну императорского фаворита.

Куда подевались маньчжуры

Из объяснений вашего школьного историка вы наверняка знаете, что на северо-востоке средневекового Китая на полях боев неустанно трудились, не покладая мечей и луков, воинственные маньчжуры, храбрые и умелые конные бойцы, которые к середине XVII в. покорили Поднебесную и провозгласили династию Цин. Ничего, кроме как воевать и захватывать чужое, они не умели. Эта династия стала одной из самых агрессивных и могущественных в мировой истории, территория империи приросла обширными землями на севере, юге и востоке. Не сама приросла, понятное дело, после долгих военных походов. Каждый маньчжурский юноша, достигший 18-летия, обязан был идти в армию, подразделявшуюся на «восемь знамен», цвет и кайма которых говорили о более высоком или низком происхождении стоявших под ними воинов.

А вот куда потом подевались маньчжуры? Растворились? Да никуда не подевались, живут себе поживают в Китае. Сейчас их здесь десять с лишним миллионов, и они на третьем месте по численности после ханьцев (свыше 1,2 миллиарда) и чжуанов (народность на юге страны численностью более 16 миллионов). Но вот язык, обычаи и традиции,

увы, подрастеряли. Осталось множество исторических документов, ведь до Синьхайской революции 1911 года маньчжурский служил официальным языком Китая. В прошедшие столетия западные и российские синологи использовали письменные источники на маньчжурском для изучения страны. В императорском Запретном городе в Пекине можно видеть маньчжурскую вязь в названиях некоторых дворцов наряду с китайскими иероглифами; сто лет назад тогдашний президент Китая Юань Ши-кай велел убрать «цинское наследие» с главных павильонов в послереволюционной горячке, стремясь соответствовать «народным чаяниям».

Разговорный маньчжурский язык в наше время исчез полностью. Он сохранялся живым лишь в горной деревушке Саныцзяцзы (Три семьи) в провинции Хэйлунцзян до начала этого века, на нем говорили несколько стариков.

Маньчжуры гордятся своими выдающимися представителями. По моему мнению, самый яркий из них — писатель Лао Шэ, семья которого принадлежала к знатному маньчжурскому роду, одному из высших «знамен».

— Была у меня когда-то секретарша, маньчжурка, — сказал Сеня. Он сидел у телевизора и ждал выступления гонщика Квята в Формуле-1. — Такая крупная девушка, в теле. — Он вздохнул. — Хорошая. Они все, маньчжурки, мне сказали, такие вот, крупные.

— Слушай, Арсений, давай пока переключим! — предложил Мудрец Сун. Иногда, в нужных случаях, он называл друга полным именем. — Мой сериал любимый идет, «Гора Азалий».

— Да ну его, чего там смотреть? Про то, как революционеры в горах воюют, с маузерами носятся?

— Э, Сеня, — загорелся Мудрец Сун, быстренько переключая каналы. — Там такая девушка, такая главная героиня! Играет Кэ Сян, комиссаршу, ух, боевая. Знаешь, она на маньчжурку похожа...

— Да ну!? — сказал Сеня. — Ладно, давай глянем... А Квята в записи увижу. Раньше Петров мне нервы мотал, а теперь он мотает!

Растворение маньчжуров в китайской среде происходило постепенно. Хотя они, завоевав власть, всячески пытались сохранить себя как нацию, как нынче говорят, свою идентичность. Цинские императоры даже закрыли все заставы на дорогах, ведущих на северо-восток, в исконные маньчжурские земли, чтобы не допустить проникновения туда чужого влияния. Но просчитались. Потому что оставили одну лазейку — для китайских купцов-ростовщиков.

Прошло не так уж много лет, и один из путешественников, вернувшийся на родину маньчжуров после долгого отсутствия, писал

с удивлением, что увидел грозных воинов совсем другими, не знатными и гордыми, но — оборванными, бедными, обремененными долгами. Маньчжурам по высшему императорскому повелению запрещалось заниматься каким-либо ремеслом, кроме военного. Жить на широкую ногу хотелось, а войны и трофеи были не всегда. Откуда взять деньги? Тут-то и появлялись ростовщики. Воины брали в долг под залог имущества, попадали в кабалу. Так деньги победили меч.

Кстати, в старом Пекине маньчжурский гарнизон изнывал от скуки. Что делать, если нельзя ремесленничать, а война не предвидится? Надо как-то убивать время. Именно от маньчжуров пошли развлечения, популярные и поныне: запуск воздушных змеев, разведение птичек, стрекочущих кузнечиков, цикад, катание на коньках. Не самые плохие, кстати, увлечения.

— У нас в компании ночной дежурный каждый год притаскивает кузнечика в коробочке, — сказал Сеня. — Это такие специальные кузнечики, крупные, го-го называются. Живут сто дней. А трещат громко, такие трели выдают, будь здоров, за версту слышно.

— Наверное, ему одному скучно? Дежурному? — спросил Отшельник Сун.

— Ему-то — да. Работа такая. А кузнечик ему вроде напарника. Поговорить можно. Морковкой покормить. А только девочки, они днем на стойке приемной работают, мне жалуются — достал их этот кузнечик своим звоном. Просят убрать.

— И как же?

— Теперь он утром его домой уносит.

Евнухи. Тайные властители Поднебесной

Нет ничего слаще, чем в жаркий день сесть где-нибудь в тени платана с романом об императорской дворцовой жизни, полном любовных историй, интриг, заговоров и прочих забавных и не очень приключений. Такие повествования познавательны: ты встречаешь знакомые исторические имена, занимательны: сюжет как правило захватывает, и эротичны: тут каждому свое. Книги о дворцовой жизни никогда не обходятся без важных действующих лиц — евнухов.

Евнух — забавное старое слово. Услышав его, представляешь робкое женоподобное существо. Нечто желеобразное. На деле эти безобидные вроде бы охранители женских покоев нередко фактически правили дворцом, а подчас — всей империей. Сейчас трудно даже представить, какой влиятельной силой были стражи императорских жен и наложниц в Китае.

Кто владеет информацией, тот владеет властью. Тихие скопцы знали все о святой святой империи, и самое главное: тайну брачных покоев и тайну наследования престола. Именно они отвечали за подбор супруги и наложниц, за то, чтобы император оставил наследника. Они вели «учетные» книги постельных встреч Сына Неба, следили за здоровьем жен и воспитанием детей, ведали хозяйственными делами.

Власть затягивает, как наркотик, требуются все большие дозы — евнухи часто возглавляли заговоры, приводившие к смене властителей. Так, в эпоху Троецарствия, во втором-третьем веках нашей эры, в смутное время войн, стихийных бедствий и народных волнений евнухи играли заметную роль практически во всех важнейших событиях, причем самую неблагоприятную.

Существовала строгая иерархия: главному (канцлеру) подчинялись старшие и младшие евнухи. Каждый со временем наращивал влияние и богатство — плату за страдания отрочества, когда мальчиками их лишали мужского достоинства, причем варварски жестокими средствами. Иногда операции не удавались, евнух сохранял мужскую силу, к собственной тайной радости и к удовольствию опекаемых наложниц. Но горе было таким «недокастрированным», если тайна открывалась; их ждала мучительная казнь в кипящем масле или же «смерть в кувшине»: виновному отрубали руки и ноги и таким обрубок засовывали в глиняный горшок, из которого торчала одна голова. Чтобы продлить муки, насильно кормили и поддерживали жизнь, хотя несчастные мечтали о скорейшей смерти.

Евнухи до конца жизни пуще глаза берегли отрезанную «драгоценность», хранили ее в сокровенных местах в шкатулках из красного дерева и драгоценных металлов, потому что верили: в загробной жизни плоть снова присоединится к телу.

Бродя по Пекину и другим столицам древнего Китая, которых было немало, потому что нашествия северных кочевников заставляли то и дело перемещать центр власти из районов реки Хуанхэ куда-нибудь на юг, находишь дворцы, окруженные каменными оградами. Высокие ворота, внутренний двор, основное здание по центру и флигели по всем сторонам — это и есть дворец. Когда спрашиваешь, чей это особняк, часто слышишь в ответ: «Евнуха такого-то... Танской (Минской, Цинской) династии».

Например, один такой дворец спрятался в окрестностях улицы Ворота спокойствия земли, *Ди-ань-мэнь* / *Dianmen*, в старинной части столицы, к северу от императорского Запретного города. Сейчас он превращен в гостиницу представительства провинции Хэбэй, многое,

конечно, изменилось, но сохранившееся дает представление о богатстве племени сиятельных кастратов. Это поместье с обширной территорией, внутренними садами, многочисленными зданиями и хозяйственными постройками под серыми черепичными крышами принадлежало *Ли Лянь-ину / Li Lianying*, главному евнуху императорского дворца династии Цин на ее закате. Он верно служил жестокой и самовластной императрице Цы-си. Поместье украшают высоченные двухсотлетние акации, под которыми царит спокойствие, если, конечно, не обращать внимания на туристов: гостиница открыта теперь не только для китайцев «со стороны», но и для иностранцев.

Этот вошедший в историю евнух владел и другим известным помещением, с красивым названием Бамбуковый сад, *Чжу-юань / Zhuayan*, находящемся также в старом районе города, в переулках недалеко от Барабанной и Колокольной башен. После образования КНР усадьбу облюбовал Кан Шэн, начальник секретной службы, карающая рука Мао Цзэ-дуна, китайский Берия. Теперь там в изящных двориках (бамбуки, цветы, камни, резные галереи, террасы) привечает постояльцев гостиница *Чжу-юань бинь-гуань / Zhuayan binguan*, с рестораном и чайной в традиционном стиле.

Эпоха Цин славилась обилием евнухов. Пишут, что одно время на всех службах в императорском Запретном городе насчитывалось ни много ни мало 70 тысяч (!) евнухов разного ранга, от мальчика на побегушках до канцлера. Десятки тысяч! Наткнувшись на эту цифру, я обратился за комментарием к известному китаеведу Дмитрию Николаевичу Воскресенскому, своему преподавателю, знатоку китайской культуры, написавшему в числе других трудов исследование «Книга дворцовых интриг. Евнухи у кормила власти в Китае» (Д. Н. Воскресенский, В. Н. Усов):

— Дмитрий Николаевич! Несколько десятков тысяч евнухов! Мыслимое ли дело?

— Милый Юра, так оно и было. Действительно, в Запретном городе могли одновременно, как говорится, жить и работать многие тысячи евнухов.

— Но где же они все помещались, Дмитрий Николаевич?

— Императорские дворцы огромны, места хватало всем.

Евнухи, пользуясь доступом, в прямом смысле слова, к телу Сына Неба, прибирали к рукам власть, жили на широкую ногу. Но можно ли их назвать счастливыми? Вряд ли. Они всегда помнили о своей неполноценности, и, как многие люди с комплексами, вымещали зло на других. Многие кончали жизнь самоубийством. Они отличались не только манерой поведения, что понятно, но и общим недостатком —

вспыльчивостью, быстро впадали в ярость, оказывались не в состоянии поддерживать нормальные отношения с окружающими. Для евнухов Цинской империи в пекинском районе Хайдянь даже был построен особый храм, где они могли возносить молитвы Небу среди себе подобных. Евнухи находили утешение в духовном мире, не обрета покоя в земном.

Впрочем, находились яркие исключения.

Кастрацией уже в зрелом возрасте был наказан — за мнимое преступление перед императорским двором — выдающийся историк и мыслитель *Сыма Цянь / Sima Qian*, 145(?)–86(?) до н. э., создавший «Исторические записки», «Ши цзи», которые заложили основу всех дальнейших исследований и стали образцом для последующих историографов Китая.

Скопцом был блестящий математик, астроном и создатель водных транспортных систем Го Шоу-цзин (1231–1316), ставший автором, в частности, точнейшего календаря.

Евнухом против его воли сделали в отрочестве взятого в плен войсками Минской империи во время похода на юг и покорения Юньнани выходца из знатной мусульманской семьи Ма, который стал зваться Чжэн Хэ (1371–1435) и прославился как мореплаватель и дипломат.

Императорские экзамены

Как выбрать среди молодых людей самых способных, готовых послужить государству? В Китае полторы тысячи лет назад, в эпоху Суй, утвердилась система императорских экзаменов, *кэ-цзюй / keju*. Раз в год кандидаты могли участвовать в уездных экзаменах, это была низшая ступень, поднявшиеся на нее получали степень — *сюцай / xiusai* («выдающийся талант»), первую по рангу, которая давала возможность идти дальше, на провинциальные экзамены. Они проводились раз в три года, в них участвовали тысячи молодых людей. Для них строили экзаменационные городки, представлявшие собой ряды деревянных стен с перегородками. Каждому отводилась своя клетушка. Покидать ее запрещалось, за этим следили надсмотрщики. Готовые сочинения не подписывались, а помечались номером отсека, более того — тексты переписывались писчиками, чтобы избежать обмана и коррупции при проверке.

Лучшие направлялись на столичные экзамены. Мудрые китайцы ввели квоты — ограниченное число кандидатов от каждой провинции на дворцовых экзаменах, чтобы избежать преобладания во власти выходцев из самых богатых районов.

Экзамены в столице проводились раз в три года. Отличившиеся получали высокую степень «продвинутого мужа» — *цзиньши / jinshi*, с ней вместе — казенную должность, а значит, деньги и блага, которые отводятся номенклатуре в любые времена. Учение было единственным всеми признанным способом продвинуться наверх, и родители поощряли недорослей зубрить конфуцианские каноны, убеждая, что в книгах те найдут «золотые прииски и красавиц».

Сколько историй о таком ученичестве хранится в народной памяти! Излюбленный сюжет гласит примерно следующее: юноша из бедной семьи, назовем его Чжан (самая распространенная фамилия), скромный и трудолюбивый, сидит над книгами день и ночь. Денег нет даже на соль и рис, но он упорно преодолевает невзгоды. Только вот незадача: годы идут, а сдать экзамены никак не получается, провал следует за провалом. Над ним смеются друзья-приятели, отворачиваются родственники, от него уходит жена... Да, да, процесс долгий, некоторые искатели числились в студентах до глубокой взрослости, включая женитьбу, рождение детей, похороны родителей, на шее которых приходилось сидеть...

Итак, никто уже не верит, что Чжан все-таки выбьется в ученые (читай — большие) люди. Ни денег, ни сил не остается, и вот последняя попытка: он снова уезжает из родных мест на экзамен, вестей от него нет и нет. Все уже забыли про неудачника, и вдруг, как снег с неба, он сваливается на голову ошеломленным землякам, вернее, врывается в город в блестящем экипаже с конной охраной. Теперь он — правитель области. И жена, бросившая его когда-то ради местного богатея, к примеру, мясника, увидев своего бывшего в роскошном одеянии, шапке чиновника, в сопровождении вооруженной свиты, рвет с досады волосы и посыпает голову дорожной пылью из-под копыт. А старенькие родители, не чаявшие уже дожидаться сыночка, льют счастливые слезы и принимают поздравления соседей, чередой спешащих к их дому...

Сдавать экзамены можно было хоть до седых волос, если позволяли средства. От занятий чаще всего отвлекали даже не житейские заботы, а женщины-соблазнительницы. По крайней мере, так пишут в любовных романах, в которых молодых и не очень кандидатов вырывают из уединения и заманивают в свои сети пением или игрой на цине коварные красавицы, которые нередко оборачиваются злыми феями. Однако отважные, сдержанные, мудрые, сумевшие презреть все искушения, все преодолеть, добиваются все-таки до столицы.

В центре Пекина, недалеко от действующего буддийского храма ламаистского (тибетского) направления *Юнхэгун / Yonghegong* сохранилось здание Училища сынов отечества. Оно дало название улице, на которой стоит — *Гоцзыцзянь / Guozijian*. Сюда приезжали на импе-

раторские экзамены счастливчики, одолевшие все предшествующие ступени. (Помимо прочего, претенденты обязаны были разбираться в музыке, арифметике, метко стрелять из лука, владеть навыками конной езды.) Их опять-таки запирали по отдельности в комнатухах на день-два, не разрешая выходить, они корпели над сочинениями, в которых нужно было показать понимание законов, сельского хозяйства, налоговой системы, основ государственного управления...

Главным было знание трудов Конфуция, его взглядов на общество, семью, морально-этических установок. На этих основах строилось китайское государство. Доскональное знание произведений Конфуция требовалось от всех будущих чиновников. Ценился стиль изложения. Идеальные экзаменационные работы сочинялись в духе письменных традиций прошедших веков, отражали знание творчества не одного поколения философов, историков, литераторов. Именно после сочинения вывешивались имена победителей.

В столицу приезжали тысячи соискателей. Провалившиеся часто оставались в ожидании следующих экзаменов. В эпоху Юань (1271–1368) появились особые гостиницы — *хуэй-гуань* / *huiguan*, число которых в Цинскую эпоху достигало 500. Их строили купцы для кандидатов из своих родных провинций, большинство *хуэй-гуаней* находилось в районе Передних ворот, Цяньмэнь — давнем центре городской культуры. Они считаются теперь достоянием пекинской архитектуры наряду с *сыхэюанями* — домами-дворами. Они, собственно, похожи на них структурой, только, как и полагается гостиницам, состояли из большего числа построек, располагали рестораном, залами для занятий каллиграфией и для игры на цине. Истинные ученые должны были уметь сочинять стихи, играть в китайские шахматы, красиво писать иероглифы и исполнять классические пьесы на цине. (Сейчас в Пекине, кстати, модно открывать рестораны-клубы *хуэй-гуань*, также с провинциальным «делением» и колоритом — сычуаньским, хунаньским и т. д.)

Сколько человек проходило испытание императорскими экзаменами? Сито было то мельче, то крупнее. Например, за три века Танской эпохи (618–907) экзамены пытались сдать 670 тысяч человек, а успеха добились лишь 6,7 тысячи счастливчиков. По-нашему, конкурс сто человек на место. Впрочем, отбор не всегда был таким жестким. Дерево власти обычно имеет тенденцию к росту, бюрократическая машина неуклонно набирала мощь, требовалось больше кадров. И уже в следующую, Сунскую эпоху, экзамены успешно сдавал каждый пятнадцатый кандидат. Неудачники, кстати, часто тоже включались в систему общественного устройства. Они становились чиновниками низового управления. Социальные лифты в действии, так сказать.

Всегда ли система была чистой? Да нет, конечно. Нередко в ход шли взятки, подкуп. Более того, само государство мошенничало. В середине эпохи Цин, когда начался закат могущества маньчжурской династии, правительство страдало от нехватки денег и практиковало не только продажу чиновничьих должностей, но и ученых званий. Так, в период с 1816 по 1830 год от продажи звания студента императорского Училища сынов отечества — *цзянь-шэн / jiansheng* — оно выручило значительную сумму, более 2,2 миллиона серебряных лянов. Обладатели покупного звания не имели права занимать какие-либо посты, но могли повысить свой статус в обществе, не тратя времени на учебу и экзамены.

Система императорских экзаменов существовала до 1905 года, когда они проводились в последний раз.

Как Китай помог победить во второй мировой войне

Мало кто в России, да и на Западе, вспоминает о роли, которую Китай сыграл во второй мировой войне. Китай далеко, вроде как на обочине мировых событий. Что там было, нас как бы не касалось. Между тем война бушевала и здесь, и жестокая. Участвовали в ней миллионные армии. Главным врагом выступала Япония. Силы этой союзницы гитлеровской Германии были направлены на военные действия в Китае начиная с 30-х годов прошлого века.

Соппротивление китайского народа помогло общей победе над фашистами. Не сковывай японцев война в Китае, они могли ударить по советскому Дальнему Востоку, а также бросить больше сил против союзников в тихоокеанском регионе. Так что Р. Зорге, конечно, герой, но именно Китай не дал японцам ударить по Советскому Союзу. Китайский народ вел борьбу с оккупантами на всей территории страны.

Беда объединила китайцев, на время они забыли идейные распри и вступили в общую войну. Цена, которую заплатил китайский народ в этом противостоянии, очень велика: по разным данным, от 20 до 35 миллионов человек. Японская армия потеряла в Китае полтора миллиона солдат.

Почему старики не любят японцев: антияпонская война

В Китае старшее поколение плохо относится к японцам, примерно как российские старики — к фашистам. А возможно, даже еще хуже. Ненависть и неприязнь передается и молодым поколениям. Истоки

понятны: японская агрессия в Поднебесной длилась четырнадцать лет (1931–1945) и принесла много бед и страданий.

Зачем Китай был нужен японцам? Те решили, что их острова слишком малы, бедны ископаемыми, подвержены землетрясениям, и неплохо бы сделать своей колонией огромный, располагающий богатыми природными и людскими ресурсами Китай. У японцев был план: за 20 лет переселить туда один миллион японцев.

Формально вторжение началось после т. н. «инцидента 7 июля 1937 г. у моста Лугоу-цяо» (он же мост Марко Поло) в Пекине. Агрессоры часто начинают войну с провокации, вспомним хотя бы повод для нападения Германии на Польшу в 1939 году.

«Инцидент 7 июля» у моста Марко Поло

Каменный арочный мост над рекой Юндинхэ, которым восхищался итальянский путешественник и которым вы тоже можете любоваться, вошел в историю с совершенно неожиданной стороны. Возле него в 1937 году развернулись события, получившие название «Ци-ци бяньши» — «Инцидент 7-го июля».

Китайские историки называют эту дату «началом широкомасштабной вооруженной агрессии Японии против Китая». Японские войска к тому времени уже стояли гарнизонами вокруг столицы, не занятой оставалась лишь дорога на Ухань, на юго-западе города. Там, в пригородном уезде, японцы устроили ночные учебные маневры, во время которых у них пропал солдат. Японцы заявили, что его якобы захватили бойцы местного китайского гарнизона, и потребовали выдать пленника. Последовал отказ, японцы открыли огонь по городку Ваньпин, а затем пошли в атаку по мосту Лугоу-цяо. Так начались открытые военные действия, которые длились восемь лет.

Но на самом деле оккупация началась на северо-востоке страны за шесть лет до этого, в 1931 году. И тоже с провокации, которая получила название — **Мукденский инцидент**.

18 сентября 1931 года на Южно-маньчжурской железной дороге, которая принадлежала японцам и охранялась их войсками, на участке южнее г. Мукден (ныне Шэньян) произошел взрыв, который, как позже было установлено, организовала японская разведка. Разрушения оказались незначительными, но повод для начала военных действий появился. Японцы обвинили в диверсии китайские войска и атаковали гарнизоны гоминьдановской армии в Мукдене и других городах Маньчжурии. Трехсоттысячная северо-восточная китайская армия под командованием Чжан Сюэ-ляна, сына погибшего тремя годами ранее правителя Маньчжурии Чжан Цзо-линя, сопротивления не оказывала. Глава Гоминьдана Чан Кай-ши в Нанкине издал приказ, призывавший к спокойствию.

Коммунисты обвинили гоминьдановцев в том, что, стремясь расправиться с «красными», те готовы были отдать часть страны внешнему врагу. В итоге гоминьдановская армия отступила, японцы усиленно наращивали войска и через год заняли всю Маньчжурию.

«Мукденский инцидент» организовал глава секретной службы японской армии Кендзи Доихара (Kenji Doihara). За эту операцию он получил от коллег прозвище «Лоуренс Маньчжурский», по аналогии с Лоуренсом Аравийским. Но, в отличие от английского разведчика, был злодеем. В числе семерых самых опасных японских военных преступников его приговорили к повешению на Международном трибунале 1946–1948 гг. в Токио.

Но до того времени надо было еще дожить. Японцы оккупировали Китай, действуя с предельной жестокостью. Вернее — беспредельной.

Нанкинская резня

Японцы в Китае руководствовались установкой «Три всё»: «Всех убить, всё сжечь, всё разграбить». После войны вышли мемуары японских солдат под таким названием.

Страшной страницей истории стала «Нанкинская резня». В декабре 1937 года японские войска вошли в прекрасный южный город в провинции Цзянсу, который тогда был столицей Китая. Они казнили — расстреливали, рубили головы, сжигали, топили — примерно 300 тысяч человек, военнопленных и гражданских. Эта цифра основана на показаниях свидетелей и данных благотворительных организаций, которые хоронили тела.

Десятки тысяч женщин, в том числе беременных, девушек, даже маленьких девочек были изнасилованы и убиты, часто на глазах их семей. Две трети всех построек в Нанкине сгорели. Резня длилась шесть недель в городе и вокруг него. «Все деревни сожжены. Домашний скот уведен. Куда ни бросишь взгляд, всюду тела убитых крестьян и китайских солдат, которые становятся добычей бродячих собак и диких животных», — писал очевидец событий датчанин Б. Синдберг, ставший в Китае героем за то, что в ту страшную зиму дал приют тысячам нанкинцев на территории цементного завода, который он охранял.

Ни одного положительного персонажа-японца нет в вышедшем на экраны в 2011 году фильме режиссера Чжан Имоу «The flowers of war», «Цветы войны». Так он известен в западном прокате. Оригинальное название, «Тринадцать шпилек Золотого холма» — «Jinling shisan chai», отсылает к роману «Сон в красном тереме», действие которого происходит также в Нанкине, в старину именуемом Золотой холм, и в котором автор, Цао Сюэ-цинъ описывает 12 красавиц, иносказательно

называемых «шпильками для волос» (древний образ женственности). Для китайцев эта связь символична. Японцы насилуют, мучают, убивают красоту, не щадя ни девушек, ни девочек, расправляются с 13 красавицами, пусть они и не самые образцовые гражданки, «женщины дна» — проститутки, их судьба вызывает слезы у всех китайских зрителей. И не только у китайских. Женщины из «веселого дома» во время нанкинской резни находят убежище в христианском храме, в котором прячутся китайские ученицы церковной школы, и ценой своих жизней защищают девочек от жуткой участи. Помогает им американский гробовщик, роль которого исполнил выдающийся актер Кристиан Бэйл. Его кинематографическая судьба связана с Китаем: 12-летним мальчиком он снялся в грандиозном фильме Стивена Спилберга «Империя солнца» (1987 г.), рассказывающем о судьбе подростка из богатой семьи в Шанхае, который после вторжения японцев оказывается в концентрационном лагере на юге страны. Тоже Китай, тоже японская агрессия, война, борьба за выживание... Только в фильме «Цветы войны» его герой уже зрелый мужчина, который берет под защиту девочек-школьниц, рискуя жизнью. Повторюсь, в эпоху всеобщей толерантности и всепрощающей терпимости, когда принято находить что-то доброе в самом кровавом персонаже, в картине нет ни одного «хорошего японца». Наоборот, оказывается, что под внешней цивилизованностью даже лучшего из них дремлет чудовище.

Родовая, семейная память китайцев ничего не забыла. Китайцы не устают напоминать Японии о преступлениях. В музее Нанкина собраны свидетельства злодеяний. Так, там хранится документальный фильм о кровавой катастрофе, снятый американским епископальным миссионером Джоном Маги, который возглавлял Красный крест и вместе с Йоном Рабе, представителем немецкой компании «Сименс», и другими иностранцами создал международную зону безопасности, где спаслись 200 тысяч человек.

Еще одна болезненная тема: «дома наслаждений» для японских солдат. Всего в стране через них прошли в качестве сексуальных рабынь 400 тысяч китайских и корейских женщин. Некоторые из них дожили до наших времен и пытались судиться с японским правительством, виня его в страданиях, причиненных десятки лет назад.

Опиум — это оружие

Мало кто знает, что японцы активно распространяли наркотики в Китае. Главную роль играл упомянутый выше японский генерал, начальник секретной службы К. Доихара. Во время Токийского трибунала выяснилось, что он инициировал меры по наркотизации населения Маньчжурии и всего Китая, создал сеть производства и сбыта опиума

и героина, подчинил и использовал бандитские группировки по всей стране, общей численностью в десятки тысяч человек, которые занимались наркоторговлей, убийствами, грабежами, вымогательством. Задача Доихары и его подручных была посеять хаос любыми средствами.

Японцы заставляли крестьян на северо-востоке вместо зерна и соевых бобов засеивать поля опийным маком, разбрасывали с самолетов листовки, рассказывающие о «прибыльном деле». Японские суда развозили отраву по всем портам Китая, с севера до юга. Опиумные курильни были открыты повсюду, особенно много в Харбине. Везде, во всех поселках и городах, где стояли японские гарнизоны, действовали официальные и неофициальные опиумные притоны, в том числе в таких крупных центрах, как Пекин и Гуанчжоу. Более того, К. Доихара организовал под видом прививок от туберкулеза массовую «вакцинацию», во время которой ничего не подозревающим людям вводили опиумный раствор, подсаживая таким образом на наркотики. С подачи спецслужб японская табачная компания продавала в Китае в массовом порядке сигареты с наркотиками.

Агенты и наемники Доихары использовали проституток в качестве распространителей зелья. Они создавали сети притонов, где вынуждали женщин предлагать своим клиентам опиум, морфий и героин. Отдельным объектом японской разведки служили тысячи русских женщин-эмигранток в Маньчжурии и других районах; японцы заставляли их, оставшихся без семей, без средств к существованию, работать в публичных домах, приучали к наркотикам, за дозу они должны были обеспечивать приток новых наркоманов.

Треть 30-миллионного населения Маньчжурии стала постоянно употреблять наркотики, и это только часть бедствия, охватившего Китай.

Распространением страшной заразы японцы подрывали способность к сопротивлению, уничтожали китайцев как нацию и, кроме того, финансировали дальнейшую агрессию в Китае, деньги от наркоторговли поступали колоссальные.

Отношение в наши дни

Японцы официально так и не признали своей вины за военные преступления в Китае. Китайцы постоянно об этом им напоминают. В прессе, он-лайн и офф-лайн идут публикации о зверствах японцев в 30-е и 40-е годы прошлого века. С теле-киноэкранов не сходят фильмы про китайско-японскую войну. Например, про подвиги Восьмой армии под командованием красного полководца Чжу Дэ / *Zhu De*, которая совместно с гоминьдановцами нанесла японцам несколько чувствительных поражений. Или про героизм буддийских монахов монастыря Приста-

нище зари, *Цися / Qixia*, которые спасли 24 тысячи беженцев из Нанкина. Или про отважного мальчишку, который боролся наравне со взрослыми, — «Юный солдат Чжан Га». Всё это кинопроизведения уже начала этого века.

А как молодежь относится к японцам? Нормально относится. Хочет дружить. Иногда даже хочет походить на японцев.

— А чего, у нас тоже так было, — сказал Сеня. — Кто-то купит, помню, шмотки, прическу сделает, стильно оденется. Ну, ты прямо американец, говорят. Или немец. К сильным всегда так относятся: их боятся, уважают.

Время от времени возникают «волны ненависти» из-за спорных островов в Южно-Китайском море, власти поощряют молодежные анти-японские демонстрации, самые горячие сжигают японские машины и громят японские рестораны и магазины, бойкотируют товары. И тут возникает смущающее патриотов противоречие — ведь масса китайцев ездит на японских авто. Что делать владельцам, как, не теряя патриотического облика, уберечь свой любимый автомобиль? В ход идут «правильные лозунги», которыми автовладельцы украшают свои «японки». В Пекине я видел Nissan с надписью на багажнике: «Я купил машину до того, как японцы проявили подлость, но впредь буду бойкотировать японские товары!» Этому хозяину показалось, видимо, мало (вдруг антияпонцы нападут не сзади, а сбоку), и на пассажирской двери он поместил наклейку с желтым сердечком и надписью: «Машина японская, сердце китайское». С другой стороны я машинку не видел, но скорее всего и там была поставлена словесная защита. Это еще добрая оборона, не агрессивная. В те же дни на заднем стекле Honda я прочитал целую поэму с осуждением коварных японцев, а заодно и американцев, которую дополняли две строки крупным шрифтом: «Убить всех японцев, вернуть острова Дяюйдао». Посмотреть бы на этого «грозного смельчака»...

Но такие волны возникают и проходят, власти спохватываются: как бы антияпонские выступления не обернулись против них самих, взбуревшая народная стихия неуправляема, история кое-чему научила... и все возвращается на круги своя. Японские рестораны снова полны посетителей, японские машины снова идут нарасхват.

А я, возвращаясь к давним событиям китайско-японской войны, задаю себе вопрос: «Как жестокость японцев может сочетаться с их восхитительной любовью к природе?» Может, они не считают человека, а особенно — чужого человека, частью этой самой природы? Или промывание мозгов, война и исполнение приказа легко уничтожают человеческое в человеке? И тут не важно, кто ты по национальности?

Марко Поло и его мост

Этот отважный человек, вошедший в историю Китая и мира, обладал выдающимися способностями. Забраться в XIII в. так далеко на восток, стать доверенным лицом китайского императора — это немногим под силу. Марко Поло добился чести стать советником при дворе Хубилая, первого императора монгольского происхождения.

На юго-западе Пекина, над единственной столичной речкой Юндинхэ, теперь, к сожалению, пересохшей, красуется мост, получивший имя прославленного путешественника. Он построен в 1192 году. Это самый старый каменный арочный мост в Пекине. Балюстраду украшают сотни каменных львов. Все разные, от полуметровых до маленьких, в 20–30 см росточком, с мордами «необщего выражения», самцы играют с кубиком, самки с шариком.

Издавна мост назывался *Лугоу-цяо* / *Lugou qiao*. Но после того, как итальянец описал его в своих записках «Путешествия», изданных в 1299 году, назвав самым лучшим и удивительным мостом в мире, китайцы, в благодарность, наверное, стали величать мостом Марко Поло.

Он признан архитектурной и исторической достопримечательностью города, символом войны с японцами. Возле него построен музей войны сопротивления японской агрессии.

Великий поход

Раз в Китае есть Великая стена, то должен быть и Великий поход. «Великий поход», а в более точном переводе — «длинный марш», *чанчжэн* / *changzheng*, в 1934–1935 годах совершила воевавшая с правительственными гоминьдановскими войсками красная армия под началом Мао Цзэ-дуна.

Отправной точкой стал городок Юйду в юго-восточной провинции Цзянси. Красная армия двигалась с востока на запад через провинции Цзянси, Гуандун, Хунань, Гуаньси, Гуйчжоу, Юньнань. Затем повернула к северу через Сычуань и закончила путь в городке Уци провинции Шэньси. Там, в горных пещерах района Яньань была развернута знаменитая революционная база, основа всех дальнейших побед коммунистов. Крестьяне внутренних районов, всегда существенно более бедные, нежели зажиточный народ восточных приморских провинций, поддерживали коммунистов, обещавших землю и быстрое всеобщее счастье.

По легенде, Великий поход растянулся на 25 тысяч ли (12 тысяч километров). Позже некоторые исследователи сократили эту цифру чуть ли не вдвое, но признали: шли несколько армий одновременно,

их передвижения не всегда совпадали, так что и маршруты были разные. Кроме того, продвигались с боями, приходилось отступать, маневрировать. В общем, если сложить, то получаются искомые 25 тысяч ли. Все мы любим круглые даты и круглые цифры.

Поход был тяжелым, кровавым, солдаты голодали, зимой страдали от холода, летом от жажды. Вышло около ста тысяч воинов, до Яньани добралась едва ли десятая часть. Поход стал такой же легендой, как штурм кубинской крепости Монкада «яростными революционерами» во главе с Фиделем Кастро. Любители истории и романтики, китайские и иностранные, нередко пытаются повторить этот подвиг. Я имею в виду: пройти маршрутами Великого похода.

Лэй Фэн — герой бескорыстия

Если вы где-то в Китае увидите изображение (картину, плакат, открытку или значок) парня с открытым, простым лицом в шапке-ушанке и зеленом мундире солдата Народно-освободительной армии Китая, это наверняка Лэй Фэн / *Lei Feng*.

Во всем мире известна мать Тереза. В Китае примером бескорыстия и доброты стал этот юноша. Его портрет может висеть на видном месте где угодно — в офисе фирмы, в магазине или в государственном учреждении. Значок с Лэй Фэном может украшать грудь продавщицы в национальном костюме, и это никого не удивит. «Ага, — подумают люди, — здесь правильно воспитывают коллектив, в духе беззаветной честности и служения людям!»

Чем же прославился Лэй Фэн, проживший всего 22 года (1940–1962)? Уроженец небольшого городка в провинции Хунань, получившего теперь его имя, он рано осиротел, после окончания школы стал солдатом автомобильного батальона в городе Фушунь в 800 км к северо-востоку от Пекина, в провинции Ляонин. Очень доброжелательный, он опекал стариков-соседей, делал для них работу по дому, делился деньгами, например, регулярно отправлял их родителям солдата, пострадавшего при наводнении (военных в Китае первыми бросают на борьбу с последствиями стихийных бедствий — наводнений, землетрясений, снежных бурь), чистил обувь и даже мыл ноги товарищам-солдатам после долгого похода (вымыть ноги матери или старшим в семье значит выказать самую искреннюю любовь и уважение). Лэй Фэн вел дневник, в котором говорил о важности служения людям и называл себя нержавеющей винтиком революции.

Он погиб во время несчастного случая в 1962 году, когда задавал направление неумелому водителю военного грузовика, помогая раз-

ворачиваться, машина слишком резко подавала назад и сбила телеграфный столб, который, падая, задел Лэй Фэна по голове. После смерти он был причислен Мао Цзэ-дуном к народным героям, достойным бессмертия. Мао призвал всех учиться у товарища Лэй Фэна. Призыв прозвучал в марте. С тех пор ежегодно в марте в Китае проводится кампания бескорыстной помощи людям. Китайцы любят учиться у истории и ее героев. А у кого же еще учиться?

Цы-си. Злобная старушка, которая:

а) долго правила Китаем,

б) построила прекрасные дворцы

Цы-си / Cixi (1835–1908) стала самой известной женщиной-правительницей в истории Китая, превзойдя своими деяниями властительницу Танской эпохи У Цзэ-тянь. Не потому, что лучше правила. Наоборот. Ее фотографии в парадном облачении лежат на блошиных рынках и книжных развалах по всему Китаю. Я вглядываюсь в них: чем же невзрачная на вид женщина так покорила императора, что поднялась до «драгоценной» наложницы, родила сына-наследника престола и получила титул императрицы?

Она не всегда была такой вот — одутловатой, не очень симпатичной дамой. В молодости будущая императрица отличалась миловидностью, внешность соответствовала домашнему имени Юй Лань (Магнолия, Яшмовая орхидея). От сверстниц ее отличали ум и жажда власти. Возможности для возвышения имелись: она принадлежала к знатному маньчжурскому роду Ехенара. А маньчжуры, как вы знаете, тогда правили Китаем.

Сочувствующие ей комментаторы пишут, что она была наивной и доверчивой девчушкой, и лишь условия жизни во дворце, унижения и лишения научили Юй Лань коварству и жестокости. Но задатки для роста «цветов зла», очевидно, имелись, и отменные. Мой учитель, доктор китайской филологии В. И. Семанов еще в советские времена написал книгу о жизни Цы-си, основанную на китайских и западных источниках, доступных в то время. В ней он подробно рассказал о восхождении Яшмовой орхидеи — из наложниц в императрицы.

Первый шаг вверх девушка сделала, когда в 1851 году ее выбрали в наложницы императора Сянь-фэна. Тогда семьи маньчжурской знати обязаны были отправлять девиц ко двору, для Сына Неба. Однако лишь немногие из них получали постоянный доступ в его покои. Цы-си осчастливила императора, родив ему в 1856 году единственного сына и наследника. Существует версия, что ребенок был рожден служанкой,

впоследствии убитой по приказу Цы-си. После смерти императора в 1861 году она стала регентшей, по существу заняла такое же положение, что и вдовствующая императрица.

Цы-си отравила ее, казнила претендующих на власть князей и, пользуясь правом опеки над сыном, императором Тун-чжи, правила страной. После смерти сына, который славился любовными похождениями и умер от оспы в 19 лет, возвела на трон племянника, взявшего императорское имя Гуан-суй, но скинула его в 1898 году и заточила на острове в императорском парке, когда тот решился на дворцовый переворот, чтобы вернуть власть и начать реформы на европейский лад. Ее волей были казнены сторонники демократических реформ Тань Сы-тун и пять его товарищей, мечтающих изменить Китай.

Гуан-суй был также отравлен императрицей, но она пережила его ненадолго, успев «назначить» наследником престола внука — Пу И, ставшего последним в истории императором Китая. Во время народных выступлений против всего иностранного в 1900 году она сначала поддерживала «отряды за справедливость» (ихэтуани), которые убивали чужеземцев и китайцев-христиан, но затем, испугавшись, что гнев черни обернется против императорского двора (ведь маньчжуры тоже иноземцы), заключила с иностранными державами союз.

Цы-си не жалела денег на увеселения и устройство роскошной жизни. В числе примеров безумного расточительства числится строительство дворцов в парке Ихэюань. На сооружение новых павильонов, залов, галерей, восстановление достопримечательностей были потрачены деньги, отведенные на создание нового военно-морского флота. Так, была восстановлена построенная в 1755 году при императоре Цянь-луне и пострадавшая во время опиумной войны 1860 года мраморная ладья — павильон в виде корабля, «плывущего» по озеру Куньмин.

В результате, как считают историки, был нанесен огромный ущерб обороне страны.

— Ну да, конечно, катастрофа, ущерб, ля-ля тополя... — сказал Сеня. Он сидел на берегу озера в парке Ихэюань и смотрел на мраморный корабль. В тени плакучих ив было не так жарко, но от шоколадного мороженого в вафельном стаканчике, которое притащил Мудрец Сун, Сеня не отказался. — Вот ты скажи, Лао Сун, где бы сейчас был этот флот? На дне морском! Сразу бы какие-нибудь англичане или японцы его ко дну пустили. Как наш российский в русско-японскую. Ни радости, ни удовольствия. А мраморный корабль — вот он, стоит себе, красавец, народ радуется.

— Императрица Цы-си сделала много плохого, — сказал Мудрец Сун. — Люди на вершине легко забывают о добродетели. Но что толку судить ушедших? Ах, ты!.. — Мороженое быстро таяло, и вафельный стаканчик в руке Мудреца потек на булыжники набережной... — Кто из нас самих без греха? Вот рядом беременная женщина стоит, мог бы место уступить. И, между прочим, за мороженым мог бы сам сходить, а не гонять старика!

— Какая беременная! Просто тетка толстая! Ты чего злишься, сам же напросился?! — Сеня проглотил донышко вафельного стаканчика и поднялся с каменной скамьи. — А, от ворот поворот получил у мороженщицы?! Я тебе сразу сказал: злая, злая она, похожа на Цы-си, как две капли воды. Она тебе во внучки годится, кстати...

Дэн Сяопин: мудрый правитель

На мой взгляд, этот маленький человечек (его рост был 163 см) из Сычуани больше других в недавней истории страны и мира отвечал требованиям, которым соответствует мудрый правитель. Он прошел большой жизненный путь, падал и поднимался, управляя огромной страной, умел принимать решения и не боялся нового.

В 1920 году шестнадцатилетний *Дэн Сяопин / Deng Xiaoping* начал учиться во Франции, но денег хватило всего на два вузовских семестра, и четыре года он работал где придется, в том числе слесарем на автозаводе, помощником машиниста, официантом в ресторане, учил французский. Там же вступил в компартию и отправился в 1926 году в Москву, где под фамилией Дозоров отучился 8 месяцев в Коммунистическом университете трудящихся Китая им. Сунь Ят-сена. Затем отправился на родину и продолжил политическую карьеру. Борьба с гоминьдановцами, участие в войне с японцами, поражения и победы...

Опыт жизни за рубежом был очень для него ценен. Вместе с ним во Франции учился будущий премьер КНР Чжоу Энь-лай, один из лидеров нового Китая, который до конца жизни помогал и покровительствовал Дэн Сяопину в трудные периоды его жизни. Он же косвенно стал причиной очередной опалы Дэна. В январе 1976 года Чжоу Энь-лай умер от рака. Престарелый Мао Цзэ-дун, который относился к людям как к расходному материалу, ревнуя к политической популярности премьера, подошел к его смерти невнимательно, память усопшего «почтили» лишь сухим некрологом. В народе же Чжоу Энь-лай пользовался огромным уважением, поэтому в начале апреля, когда в Китае празднуется День поминовения усопших, на площади Тяньаньмэнь в Пекине стали собираться многотысячные толпы людей,

складывавших траурные венки в память Чжоу. Возникшие стихийно демонстрации были разогнаны полицией, власти обвинили в случившемся Дэна, назвали провокатором, и наверное, посадили бы в тюрьму, если бы тот не отсиделся на юге в одной из провинций, под крылом давнего боевого товарища, командующего местным военным округом.

Три раза его свергали с вершин власти, и три раза он снова поднимался наверх. В книге, которую написала про него младшая дочь Дэн Жун (Мао-мао), мне запомнилась фотография: тропинка через бурьянный пустырь, ведущая к кирпичному сараю. Подпись гласит, что эту тропинку вытоптал Дэн Сяопин за несколько лет, когда в ссылке во время «культурной революции» работал слесарем на тракторном заводе в провинции Цзянси. Достаточно просмотреть фотографии, чтобы представить описанный дочкой жизненный путь, трагедии и победы Дэн Сяопина: вот папа в ссылке, вот мы в ссылке, а вот мы веселые после возвращения в Пекин и избрания папы вице-премьером, а вот фото брата — Дэн Пу-фана, студента физико-технического факультета Пекинского университета, которого издевательства красных охранников (хунвэйбинов) заставили выброситься из окна и сделали на всю жизнь инвалидом.

Что же совершил этот маленький человек с огромным сердцем, умом и отвагой? Он вывел Китай из кризиса, в который его погрузили эксперименты Мао Цзэ-дуна, до последних дней жизни считавшего «культурную революцию» своим самым большим достижением.

В декабре 1978 года на пленуме ЦК КПК Дэн Сяопин объявил о реформах, которые изменили страну. Некоторые исследователи утверждают, что план «четырех модернизаций» (изменений в разных сферах экономики) был разработан не Дэном, а Чжоу Энь-лаем. Тем не менее, как бы то ни было, проведение реформ в жизнь обеспечил «сычуаньский коротышка». Он взялся за восстановление хозяйства, причем начал с деревни, ведь Китай был и остается сельской страной.

Крестьянам разрешили семейный подряд. Семья брала землю в аренду и подписывала договор: столько-то от собранного урожая государству, остальное — нам. Вроде бы просто. Но как известно, нет ничего сложнее простых вещей. Потом этот подряд стали применять в промышленности. Китай начал вырываться из бедности. Критики Дэна утверждают, что не он придумал подряд, инициатива шла снизу. Он лишь поддержал. Но в том-то и дело, что — поддержал. Без его поддержки чиновники утопили бы любое начинание.

Знаменитая фраза Дэна: «Неважно, какого цвета кошка, белого или черного, главное, чтобы ловила мышей», тоже из разряда очевидных

истин. В этом и загвоздка: в стране, где царствовала уравниловка, где инакомыслящим долгие десятилетия клеили ярлыки, где нельзя было быть «белым», а только «красным» (о политических «оборотнях» говорили: «Красный снаружи, белый внутри», на манер редиски) — и вдруг отказаться от цветового классового деления... Да еще руководителю столь высокого ранга. Для этого надо было иметь мужество. Гражданское мужество, которое выше военного. Об этом еще Лев Толстой писал. Когда ты — не со всеми, не как все, но — против многих.

Дэн призывал не клеить ярлыки, это — «социалистическое», а то — «капиталистическое». Приносит пользу — значит, полезно. Это можно назвать прагматизмом, политикой здравого смысла.

Как он относился к Мао Цзэ-дуну? После того, как трижды был скинут с вершин власти и трижды возвращен... После всех страшных бедствий, и личных, и всего народа, во время «большого скачка» и особенно в ходе «культурной революции», которые не спрятать, не скрыть, не оправдать...

В интервью итальянской журналистке О. Фаллачи он сказал, что у Мао были достижения и были ошибки, а на прямой вопрос, мол, говорят, что у «банды четырех» во главе с женой Мао Цзэ-дуна — Цзян Цин, имелся и «пятый палец» (то есть сам «великий кормчий»), Дэн ответил, что не надо равнять Мао с бандой. И вообще, в том, что сделал Мао, дескать, была и его — Дэна, «доля».

Ну, а как он мог еще сказать, как ответить? В стране ловили каждое его слово, он хотел, чтобы в Поднебесной наступил наконец покой.

Мужество и мудрость Дэн Сяопина позволили вернуть страну на рельсы здравого смысла, деидеологизировать экономику и в значительной степени — саму жизнь. Его не считали святым или добреньким, он несет ответственность за многое из того, что происходило, в том числе за «большой скачок», сломавший хребет китайской экономике в конце 50-х, ведь Дэн тогда занимал пост генерального секретаря компартии, был вторым политическим лицом после Мао. И тем не менее, он находил силы поворачивать в нужную сторону, улучшать ситуацию, больше думал о деле и людях, чем многие и многие другие лидеры.

Нам бы Дэн Сяопина... Вот с этим я могу согласиться.

Не соглашусь, когда говорят, вот давайте в России всё делать, как в Китае. Для этого понадобилась бы самая малость: нам самим стать китайцами.

А вот мудрый, битый, смелый — не напоказ, а внутренне, не боящийся принимать решения и отвечать за них, и, главное, думать не о личном благе, а о народе — да, нужен. Позарез.

Многое, если не все, в странах с жесткой «вертикалью» власти зависит от хозяина, от первого лица. Китаю повезло с Дэн Сяопином. Но, значит, были люди, которые его поддерживали. И таких людей, умных, смелых, политически опытных, насчитывалось достаточно много, чтобы лидеру было на кого опереться.

В отличие от Мао Цзэ-дуна, у которого китайские историки находят «70 процентов правильных дел и 30 процентов ошибок», Дэн Сяопин остался без процентных оценок. И по человеческим качествам он был на порядок выше. Вел неброский образ жизни, не держал любовниц. Вошел в историю не только как архитектор китайских реформ, но и как порядочный человек, любящий муж и отец. Мудрый правитель. (Его жизнь ярко, в деталях описал А. Панцов в книге «Дэн Сяопин».)

«Ну, а как же события 1989 года на Тяньаньмэнь? — спросите вы. — Ведь тогда, в ночь с 3 на 4 июня именно по приказу Дэн Сяопина и тогдашнего премьера Ли Пэна войска разогнали собравшихся на главной площади студентов и молодых рабочих, погибли и были ранены тысячи людей?»

Цена спокойствия

Есть вопросы, на которые нет хорошего ответа. В мае-июне 1989 года в Пекине произошли события, которые до сих пор тревожат память. Тогда студенты в китайской столице выступили за демократизацию, свободу слова, против злоупотреблений властью. Поводом послужила последовавшая после сердечного приступа смерть бывшего генсека партии Ху Яобана / *Hu Yaobang*. Он лишился своего поста после студенческих волнений 1986 года, когда молодежь в разных городах выступила с протестами против коррупции, а Ху был обвинен партийной верхушкой в либерализме.

В апреле 1989 года в студенческих городках столицы прошли стихийные траурные митинги. Чтобы почтить память Ху Яобана, молодежь заняла главную площадь — Небесного спокойствия. Когда-то через нее в Запретный императорский город следовали все гости, подчиняясь установленному церемониалу. В мае 1989 года без всяких церемоний студенты выдвинули требования к власти — провести демократические реформы. На площади постоянно находились десятки тысяч молодых людей, в основном студентов. Несколько десятков активистов объявили голодовку, днюя и ночуя в автобусах, которые стояли на площади.

19-го мая, еще до рассвета, на площадь пришли партийный руководитель, генеральный секретарь компартии Китая Чжао Цзяян

и премьер Госсовета КНР Ли Пэн. Чжао в мегафон призывал студентов разойтись. Говорил чуть ли не со слезами и в конце добавил: «Слишком поздно». Что он хотел, но не мог сказать в ту ночь? То, что решение наверху было принято, и решение жесткое, силовое. На следующий день в столице ввели военное положение.

Инициатором его стал премьер Ли Пэн, сторонник твердой линии; утверждают, что во многом им двигали личные мотивы, так как протесты общественности и обвинения в коррупции в высших эшелонах власти были направлены и на членов клана Ли, которых глава семейства устроил на престижные и доходные посты, прежде всего в энергетике.

Студенты оставались на площади и отказывались ее покинуть. 4-го июня на главную площадь пошли танки, войска открыли огонь, полилась кровь, погибли сотни людей, тысячи получили ранения.

Эти события стали трагедией. Китайские лидеры полагали, что для обеспечения спокойствия и предотвращения беспорядков по всей стране военные меры необходимы. Они боялись хаоса, крушения власти партии, своей власти. Решение принимало высшее руководство, в котором важную роль играл Дэн Сяопин, он фактически стоял во главе армии. Что заставило его поддержать жесткую линию и силой подавить демонстрации? Думаю, прежде всего память о «культурной революции» 1966–1976 годов. Ее главной движущей силой тоже была молодежь. Скорее всего, свежие воспоминания об ужасах того времени стали причиной, по которой Дэн Сяопин принял решение — подавить молодежные выступления в зародыше. Малой кровью предупредить большую кровь.

Прав ли он был? Что скажут на любые слова оправдания родственники и друзья тех, кто погиб тогда под гусеницами танков, от солдатских пуль?

Судьба Чжао Цзыяна, формально главного лидера Китая, который пытался вступить в диалог со студентами, уберечь их, сложилась печально. Он был снят со всех постов и находился до смерти в 2005 году фактически под домашним арестом. Ему так и не простили «мягкотелости», которая будто бы привела к расколу в партии, не простили человеческих чувств, проявленных на площади ранним утром 19-го мая 1989 года, в предвидении судьбы собравшейся там молодежи.

(История повторяется. 18 марта 1926 года в Пекине расстреляли демонстрацию молодежи, протестующей против иностранного вмешательства в Китае, приказ отдал премьер Дуань Ци-жуй / *Duan Qirui*. Погибли несколько десятков человек, сотни были ранены. В пекинском музее современной китайской литературы в зале, посвященном Лу Синю, я видел материалы об этом событии, фотографии. Писатель

сочинил эссе на смерть своей ученицы Лю Хэ-чжэнь, участвовавшей в демонстрации; затем я узнал, что этот текст, считающийся образцом таланта и гражданского мужества, был убран министерством образования в 2007 году из учебников средней школы — как утверждают, чтобы не вызывать ассоциаций с демонстрацией 1989 года. В некоторых источниках отмечается, что отдавший приказ о разгоне демонстрантов Дуань Ци-жуй, приверженец буддизма, якобы каялся в содеянном, встав на колени перед телами погибших.)

Главный сторонник жестких мер, инициатор силового решения, приведшего ко многим жертвам, премьер Ли Пэн благополучно оставался на своем посту, в начале нулевых руководил парламентом страны.

Почему же китайское руководство так боялось повторения «культурной революции»?

«Культурная революция», страшный каток

«Культурная революция» тяжелым катком прокатилась по Китаю в 1966–1976 годах. Она убила многих и покалечила жизни миллионов людей. Ее проклиняют поколения.

Что это было? Мао Цзэ-дун, как пишут его приверженцы, оказывается, не задумывал ничего страшного. Он увидел, что в партии расцвели злоупотребления: использование власти в личных целях, коррупция, моральная распущенность. (Замечу, что к тому моменту прошло всего 17 лет с момента победы народной революции в Китае. Впрочем, большевикам в России потребовалось еще меньше времени, чтобы «обуржуазиться» и «обрасти пороками», поддаться «наследию царского режима».) Так вот, Мао, по словам его сторонников, затеявая новое революционное движение масс против верхов, которое получило название «культурная революция», пытался восстановить принципы партийной жизни, провести проверку коммунистов на верность идеалам и соответствие требованиям дела, исправить имеющиеся ошибки. А заодно — осуществить реформы в области культуры.

Но, пишут эти же историки, беда в том, что движение подмяли под себя недостойные люди в своих собственных целях, что привело к огромным социальным потерям. Кто эти люди? Да вот же они — так называемая «банда четырех», во главе которой Цзян Цин, жена Мао. На фотографиях «бандиты» сидят в президиумах рядом с «великим кормчим».

Опять бояре виноваты. Мао, говорят «правильные историки», слишком поздно понял, что к чему, и уже в силу возраста был неспособен

выправить ситуацию. Дело зашло слишком далеко, джинн хаоса и насилия вольно гулял по стране. Виновата распоясавшаяся «банда четырех».

А что случилось в реальности? На деле, чтобы устранить набравших силу политических конкурентов, Дэн Сяопина в том числе, Мао отдал приказ — «открыть огонь по штабам». Были созданы колесившие на поездах по стране и вычищавшие «контрреволюционную заразу» отряды «красных охранников», хунвэйбинов. Это были ученики школ, студенты. Им были развязаны руки. С ними в звериной жестокости соперничали «цзаофани» («бунтари») — отряды рабочей молодежи, часто воевавшие между собой, в том числе с применением оружия, даже танков и артиллерии.

«Культурная революция» это:

— когда любой сопляк с красной повязкой мог ворваться в дом, в университет или на завод и обвинить ученого, педагога или инженера в том, что тот идет «по капиталистическому пути»; собственно, даже врываться было не нужно. Преподавателей Пекинского университета избивали, оплевывали и всячески унижали свои же ученики. И так по всей стране: невинных людей истязали, убивали или доводили до смерти;

— когда толпы озверевших подростков целый день водили гордость страны писателя Лао Шэ, с ругательной табличкой на груди, по замкнутой высокими серыми стенами 700-летней пекинской улочке Гоцзыцзянь, названной в честь стоящего там Училища Сынов отечества, *Guozijian*, императорской академии, по соседству с храмом Конфуция, и «перевоспитывали» тычками, плевками и бранью. Утром следующего дня его нашли в парке, в пруду. Он утопился, но как-то странно, тело вертикально стояло в воде, некоторые историки считают, что это было убийство. Поразительное предвидение: за десятки лет до этого Лао Шэ в своем фантастическом романе «Кошачий город» (на русский его перевел В. И. Семанов), действие которого происходит на другой планете, описал бунт «людей-кошек» — не ведающих жалости недорослей, уничтожавших книги, убивавших учителей и громивших школы; он предвосхитил то, что произошло с ним самим и многими другими в 1966–1976 годах;

— когда фанатики революции громили храмы, все подряд — буддийские, даосские, христианские, мусульманские, жгли бесценные книги, уничтожали скульптуры, картины;

— когда миллионы студентов были отправлены для «трудового перевоспитания» в село на самую грязную работу: скотниками, пастухами, землекопами; они рыли канавы, чистили свинарники, уборные, тупея и забывая все, чему их учили, без надежды вернуться

в города; это называлось «подняться в горы, спуститься в село». Длилось это годами;

— когда поколения молодых людей остались без образования, ведь вузы не работали; среди моих знакомых в Китае есть талантливейшие люди, которые до сих пор переживают, что не получили достаточной подготовки и знаний, остались недоучками.

Утраты невосполнимы. Фактически страну охватила гражданская война. В конце 80-х — начале 90-х годов в китайском искусстве возникло целое направление — «литература шрамов», рассказывающая о годах бедствий. Потом волна острой боли и гнева вроде бы спала, поколение сменяет поколение, возникают новые темы. Раны зарубцевались, но боль не стерлась, она спряталась глубже. И прорывается снова и снова в мемуарах, романах, фильмах, живописи, фотографиях и других произведениях искусства. В откровенных беседах.

Остров Даманский

— Китайцы, говоришь, миролюбивые? А остров Даманский как же? — спросил Сеня и посмотрел на Мудреца Суна. Тот пожал плечами: «Было дело».

— Давай лучше еще по кружке закажем, — сказал Мудрец. Мы сидели в большой дружеской компании в немецком пивном ресторане «Пауланер» в торговом комплексе «Люфтганза», он же *Яньша / Yansha*, на востоке третьего пекинского дорожного кольца. Наступил первый день Октоберфеста, баварского пивного праздника. Мы с нашими друзьями как всегда отмечаем его в огромном шатре, который ежегодно на две недели раскидывается у входа в садик при ресторане. За столом мы чувствуем себя немного немцами, пьем пиво, едим баварские сосиски с кислой капустой, запеченную в пиве свиную рульку, с хрустящей корочкой, и поем немецкие песни (ну, как можем, в основном — покрикиваем: «Хой, хой!», все равно никого не слышно в общем шуме...).

В самом деле, в марте 1969 года произошел пограничный конфликт на правом притоке Амура реке Уссури на Дальнем Востоке. Причиной послужил остров Даманский, по-китайски Чжэньдао (Драгоценный), лежащий у китайского берега. Все, что было в воде, российская, а затем советская сторона считали своим: по старым, еще царских времен, договорам граница проходила не по фарватеру, а по урезу воды с китайской стороны. Китайцы не без оснований считали это несправедливым, Советский Союз готов был передвинуть границу на середину реки, но — вмешалась большая политика. К тому времени отношения

между двумя странами были крайне плохими, они начали ухудшаться еще в начале 60-х, во многом из-за топорной внешней политики Н. Хрущева, который считал себя единственным «правильным» коммунистом, затем дровишек в костер вражды подбросила «культурная революция», лидеры которой гневно клеймили «советский ревизионизм»; после вторжения войск Варшавского договора в Чехословакию в 1968 году Китай и вовсе обвинил СССР в «социал-империализме». Но основная причина конфликта была не внешняя, а внутренняя. В Китае из-за «культурной революции» экономика пришла в упадок, наступила пора бедствий, властям уже недостаточно было одних лишь внутренних врагов, срочно понадобились внешние, чтобы объединить народ и повернуть его гнев в другую сторону.

Остров Чжэньдао-Даманский подвернулся как нельзя кстати. Собственно, когда-то это был береговой выступ, который со временем вода отрезала и превратила в небольшой островок в ста метрах от китайской территории и в пятистах — от российской. Сначала на реку по льду стали выходить «хунвэйбины» с красными книжечками с цитатами из речей и книг Мао. Потрясая цитатниками, они кричали, что остров китайский. Советские пограничники выдвигались на лед и вытесняли нарушителей. Понятное дело, «хунвэйбины» были не «простыми селянами», а переодетыми китайскими военными. С нашей стороны приказ был оружие не применять. Китайцы тоже его не использовали. На реке стали регулярно происходить «групповые драки» стенка на стенку. Сначала советские бойцы брали верх, они были физически сильнее. Тогда китайцы прислали для кулачных боев солдат и офицеров спецназа, крепких и подготовленных воинов. Однако практика показала, что в тяжелой одежде, толстых ватных штанах и куртках показывать приемы «гун-фу» не очень-то и сподручно (сподножно). Кроме того, размер все-таки имеет значение, а советские бойцы были покрупнее, да и боксировать кое-кто умел. (После этого конфликта, вспоминал некий эмигрировавший в Канаду китаец, знакомый которого служил в этом китайском спецназе, его бойцам был дан приказ осваивать приемы «западного бокса».)

Рукопашные на льду Уссури, весьма ожесточенные, с переменным успехом (китайцы стали припрятывать в рукавах ватников деревянные палки и орудовали ими в стиле шаньдунской школы ушу) продолжались в январе и феврале. Развязка наступила в марте. Приказ решить вопрос силой поступил в китайские войска на границе с самого верха, и в начале марта спорный остров ночью тайно заняли несколько сотен китайских солдат. Они залегли в снегу и дождались подхода

пограничного наряда с той стороны, советские пограничники вступили в схватку, пытались отбить остров, началась стрельба, фактически вспыхнули боевые действия с применением оружия, бронетранспортеров.

Обстановка на границе накалилась до предела. Мой друг и товарищ Борис Дубов, который как раз служил в то время на дальневосточной границе, не так уж далеко от Даманского, вспоминает, как он лежал с ДШК (крупнокалиберный пулемет Дегтярева-Шпагина) в снежном окопчике и от души боялся: пахло войной. Конфликт разросся к середине марта, с обеих сторон к границе были стянуты значительные силы, в бой вступили уже танки и артиллерия. Дошло до применения советскими частями реактивных установок «Град». В итоге боев на границе погибли 58 советских солдат и офицеров и несколько сотен китайских, точная цифра неизвестна (официально озвученная — 68 убитых), хотя есть свидетельства, в том числе от китайского перебежчика, о значительно больших потерях.

Конфликт этот был кровавым. Второй раз в недавней истории две великие соседние страны вступили на путь войны между собой. Первый — в 1929 году, когда развернулись бои за Китайско-Восточную железную дорогу. К счастью, в конце концов руководство двух государств, понимая всю серьезность обстановки, вступило в переговоры, ситуацию с Даманским «заморозили», но с тех пор отношения уже никто братскими не называл. Остров же в 1991 году по новому соглашению о границе стал принадлежать Китаю.

— Да не только с нами! А конфликт с Вьетнамом? — не унимался Сеня. — Тогда уже «культурной революции» никакой не было. А начальником штаба китайской армии между прочим был твой любимчик Дэн Сяопин.

Ну что с этим Сеней поделаешь? Да, был конфликт, можно сказать, настоящая война, целый месяц в феврале-марте 1979 года, после того, как Вьетнам вторгся в Кампучию-Камбоджу, чтобы, как писали советские газеты, «помочь братскому народу, страдающему от гнета маоистского режима» красных кхмеров во главе с Пол Потом; в стране в результате геноцида, который стал следствием политики «казарменного коммунизма», было истреблено около 3 миллионов человек. Китай поддерживал красных кхмеров и решил им помочь, а заодно — «преподать урок» (слова Дэн Сяопина) просоветскому Вьетнаму, который становился все более сильным соперником в регионе; Пекин двинул войска через границу. Почти трехсоттысячные силы с боями продвинулись на несколько десятков километров, захватили крупные провинциальные центры Вьетнама. Вьетнамцы, закаленные и опытные бойцы,

прошедшие школу войны с США, оказывали неожиданно серьезное для противника сопротивление. Война длилась месяц, с той и другой стороны погибло по 20 тысяч человек. Затем Китай отвел войска, но противостояние, с вооруженными столкновениями, артиллерийскими обстрелами приграничных районов с двух сторон, длилось еще 10 лет. Советский Союз тогда помогал Вьетнаму, Китаю пришлось срочно мириться с США, чтобы не соперничать сразу с двумя сверхдержавами.

— Эх, Сеня, Сеня... Все государства небезгрешны. Взять хотя бы Советский Союз с его оккупацией Афганистана... А эта ваша война с Грузией... — сказал Мудрец Сун. — Недаром говорится, что часто самыми заклятыми врагами становятся лучшие друзья. А страдает всегда народ.

— Это точно.. Кому эти войны нужны?.. — сказал Сеня. — Тут без стакана не разберешься! Эй, фу-у-юанечка, принеси-ка нам по рюмке шнапса, лучше яблочного, как его... обстера!

— Есть вещи, которые друзьям лучше не вспоминать, — сказал Мудрец Сун. — Мы теперь дружим и с вьетнамцами, и с вами.

— Это точно, — опять сказал Сеня и выпил шнапс. Длинный деревянный стол сотрясаясь: на нем с аккордеоном выплясывал голый до пояса пузан в баварских штанишках и почему-то в гриме под Элвиса Пресли. Благо, стол был массивный и устойчивый. — Ты погляди, как немцы веселятся... А мы их победили, кстати!

— И мы тоже. Ну, за это и выпьем! — сказал Мудрец Сун. — Да, знаешь, мне друг рассказывал, он в 69-м на границе служил: днем они держали Россию под прицелом, а вечером в казарме пели «Катюшу»... Смотри, а вот и Кирилловы подтянулись! Люда, Андрей, давайте скорее к нам, сейчас еще Тема подъедет, звонил!

Остров Тайвань

В романе «Остров Крым» Василий Аксенов фантазирует на тему, какая жизнь установилась бы на Крымском полуострове, обоснуйся там белые, проигравшие войну красным после октябрьского переворота 1917 года. Между тем достаточно лишь взглянуть на Тайвань. В отличие от полуострова Крым, Тайвань — самый настоящий остров, довольно большой, у восточного побережья Китая. Китай считает его неотъемлемой частью самого себя. Тайвань же считает себя независимым государством.

Это был остров как остров, ничего особенного. В 1895 году в результате поражения Цинской империи в войне с Японией перешел

в ее владение и пребывал в таком состоянии до 1945 г., когда японцы в свою очередь проиграли во второй мировой войне.

История нового Тайваня началась в 1949 г., когда туда бежали два миллиона человек из разных провинций Китая, в основном южных: члены партии Гоминьдан и представители центральной власти, солдаты разбитой коммунистами правительственной армии, их семьи, чада и домочадцы. Гоминьдановцы захватили с собой золотые запасы Китая и 3 тысячи ящиков с сокровищами из императорского дворца в Пекине. Позже они создали тайваньский Гугун — музей, где выставили ценные экспонаты китайского искусства, преимущественно Минской и Цинской эпох.

Жители Тайваня встретили гоминьдановцев неприветливо. В их памяти были свежи события 1947 года, когда островитяне с оружием в руках выступили против коррумпированных гоминьдановских властей, против произвола, жестокости и злоупотреблений правительственных чиновников. Восстание приняло массовый характер, какое-то время отряды вооруженных добровольцев контролировали большую часть острова, давали отпор гоминьдановским частям, прибывшим с материка для подавления бунта. Войска жестоко расправились с восставшими, несколько тысяч человек были убиты. Проводились массовые репрессии. Так началось масштабное подавление инакомыслия на острове, которое продолжалось почти 40 лет «на законных основаниях», имея в виду военное положение на острове, отмененное лишь в 1987 году.

А ввел его в 1949 году Чан Кай-ши, объявивший остров местом «временного пребывания центрального правительства Китая». Он опирался на помощь Америки: та рада была иметь под боком коммунистического Китая такого союзника, на всякий случай. Непотопляемый авианосец. При поддержке США остров быстро пошел вверх по экономической лестнице и через те же 40 лет вошел в число стран с самыми большими золотовалютными запасами. Тайваньцы пользуются экономическими свободами, уровень жизни достаточно высокий.

Гоминьдан правил полвека. В 2000 году к власти на двадцатимиллионном острове впервые пришел представитель другой партии, демократической. Но это не устранило основных проблем, которые стояли перед обществом, а именно: коррумпированность на всех уровнях, преступность. Демократы объявили войну явлению, которое называется «хэй-цзинь», что переводится как «черное золото», а на деле обозначает как раз преступность и власть денег.

Те же самые бандиты, гангстерские синдикаты, которые когда-то помогали в борьбе с коммунистами на юге Китая и даже входили

в руководство Гоминьдана, эти же самые бандиты преспокойно существовали на острове все годы правления президента Чан Кай-ши и его сына, «наследного» президента Цзян Цзин-го (он же — Николай Елизаров, правоверный коммунист в течение дюжины лет в России и столь же правоверный антикоммунист в последующей жизни в Китае и на Тайване), и настолько укоренились во всех сферах жизни, что их полное устранение вряд ли возможно в обозримом будущем, несмотря на все усилия нынешних властей.

Отношение КНР к Тайваню ясное: это часть Китая. Возвращение блудного сына считается неминуемым, пусть даже под лозунгом: одна страна, две системы. Как это было с Гонконгом. Возможна ли война с Тайванем, будут ли китайцы на Тайване биться с китайцами материкового Китая, чего всерьез опасались в последние десятилетия? Вряд ли. Об этом так сказал мне один тайванец, работающий в Шанхае (многие тайваньцы вкладывают деньги в «большом Китае», преимущественно на юге): «Мы же все китайцы в конце концов!»